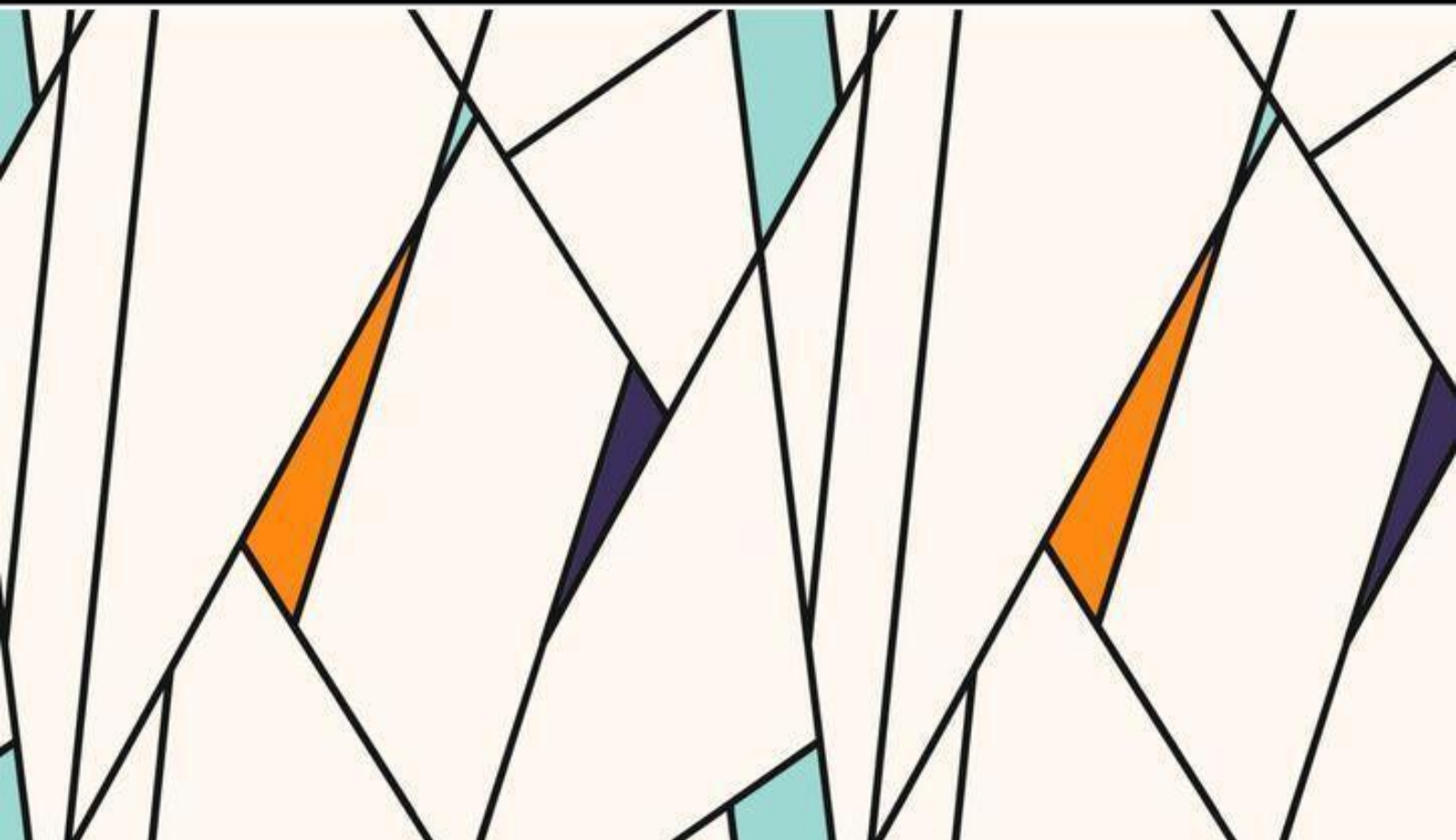
18+

Виктория Дмитриевна Николаева

Остров, которого нет на карте

Виктория Николаева

Остров, которого нет на карте

«Издательские решения»

Николаева В. Д.

Остров, которого нет на карте / В. Д. Николаева — «Издательские решения»,

Семь лет назад в море бесследно исчез корабль, на котором находился брат Артёма Воронцова. Теперь Артём живёт один на маяке затерянного острова Сивер. Однажды ночью старое радио оживает, и он слышит голос пропавшего брата. Тот утверждает, что сейчас 2019 год. Но на календаре — 2026-й.Когда в дверь маяка стучит человек с голосом Ильи, Артём понимает: на этом острове нельзя доверять ни времени, ни памяти, ни даже собственным глазам.И главное — нельзя открывать дверь.

© Николаева В. Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Не отвечай 6
Глава вторая. Человек в коридоре 14
Глава третья. Цена минуты 26
Глава пятая. То, что остаётся 44
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Остров, которого нет на карте

Виктория Дмитриевна Николаева

© Виктория Дмитриевна Николаева, 2026

ISBN 978-5-0071-5591-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовётся…»
Ф. И. Тютчев

Глава первая. Не отвечай

В ту ночь море пыталось забраться в дом.

Оно било в скалы с такой силой, что на кухне звенели стаканы. Ветер просачивался сквозь оконные рамы, свистел в вентиляционной шахте и заставлял жестяную крышку на трубе хлопать, словно кто-то наверху беспрестанно открывал и закрывал дверь.

Артём Воронцов сидел за столом и чистил яблоко.

Кожура выходила одной длинной полоской. Он всегда старался срезать её целиком — глупая привычка, оставшаяся с детства. Илья когда-то уверял, что если получится снять кожуру без единого разрыва, можно загадать желание.

Илья вообще любил придумывать всякую чушь.

Артём довёл нож до самого основания яблока, но за окном вдруг ударило так, что он вздрогнул. Кожура оборвалась.

— Ну и хрен с тобой, — сказал он.

В доме никто не ответил.

На часах было 02:11.

До рассвета оставалось почти пять часов, хотя по тому, что творилось снаружи, Артём сомневался, что рассвет вообще наступит.

Он отложил нож, взял кружку и сделал глоток остывшего кофе. Горький. Отвратительный. Завтра надо будет заварить свежий.

Эта мысль почему-то развеселила его. Завтра. Человек живёт на клочке камня посреди холодного моря, вокруг бушует шторм, старый маяк разваливается по частям, а он строит планы насчёт кофе.

На Сивере были два вида тишины. Дневная, когда ветер ненадолго уходил за восточную гряду и можно было расслышать, как капает вода из крана. И ночная — та, что наступала после шторма, когда весь остров будто прислушивался к чему-то под землёй. Вторую Артём ненавидел. В ней слишком хорошо слышались собственные мысли.

За семь лет он успел выучить каждый звук маяка. Знал, где скрипит лестница, когда расширяется от тепла железная обшивка, как щёлкает реле в аппаратной перед тем, как повернётся линза. Мог с закрытыми глазами пройти от кухни до генераторной, не задев ни одного ведра. И всё же иногда ловил себя на том, что оставляет свет в коридоре, хотя не мог объяснить зачем.

Снаружи на скале стояли три строения: башня, соединённая с жилым домом крытым переходом, низкая дизельная будка и бывшая сигнальная станция с заколоченными окнами. От станции до края обрыва было сорок три шага. Артём однажды считал их в тумане, когда потерял тропу. На сорок четвёртом начинался воздух.

Утром ему предстояло заменить прокладку на насосе и проверить северную антенну. Если шторм не сорвёт её раньше. Он даже составил список на обороте магазинного чека: прокладка, ключ на семнадцать, изолента, кофе. Список лежал под солонкой и выглядел убедительнее любых обещаний, которые Артём давал самому себе.

Он давно заметил, что одиночество не приходит сразу. Сперва перестаёшь рассказывать кому-то о погоде. Потом перестаёшь замечать, что случилось смешного за день. А однажды обнаруживаешь, что вслух произносишь только ругательства. Именно тогда Артём начал разговаривать с чайником. Чайник, в отличие от людей, никогда не задавал вопросов об Илье.

Брат любил яблоки кислые, зелёные, такие, от которых сводило скулы. Артём покупал красные. Он не считал это принципом, пока однажды не заметил, что в магазине специально проходит мимо ящика с зелёными. Смешно было бы объяснять продавщице, что цвет фруктов способен испортить человеку весь день.

Когда они виделись в последний раз, Илья оставил на кухонном подоконнике огрызок. Артём нашёл его через неделю, высохший, похожий на маленькую деревянную фигурку. Тогда он ещё не знал, что брат пропал, и злился из-за беспорядка. Позже несколько раз пытался вспомнить, выбросил ли огрызок. Не смог. Некоторые вещи память сохраняла с нелепой точностью, а самые простые — отпускала навсегда.

Наверное, именно поэтому люди и не сходят с ума. Они думают о завтрашнем кофе.

Из коридора донёсся стук. Артём замер. Прислушался. Ещё один удар.

— Только не сегодня.

Неделю назад ветер сорвал с крепления кусок водосточной трубы. С тех пор она болталась у северной стены и при каждом порыве колотила по камню. Артём трижды собирался её закрепить и трижды находил дела поважнее. Теперь труба мстила.

Он поднялся, подошёл к окну и отодвинул занавеску. За стеклом была чернота. Не ночная темнота, в которой постепенно различаешь очертания предметов, а настоящая, плотная чернота, прорезанная косыми серебристыми полосами дождя.

Где-то далеко внизу, за каменной оградой, белела пена.

Артём поднёс лицо ближе к стеклу. И увидел свет.

Он появился над водой на мгновение — слабый, зеленоватый, почти незаметный. Будто кто-то прикрыл ладонью фонарик, а потом убрал его.

В этом направлении не было ничего. Ни судоходного маршрута, ни соседнего острова, ни рыбацкой стоянки. Только море, которое в хорошую погоду выглядело безобидным, а в плохую могло разломать небольшой корабль пополам.

Свет вспыхнул снова. На этот раз чуть левее.

— Какого чёрта?

Он хотел сходить за биноклем, но тут ожил радиоприёмник.

Сначала раздался короткий сухой щелчок. Потом шипение.

Артём обернулся. Приёмник стоял на полке возле двери. Старый морской аппарат с потёртыми кнопками и трещиной на корпусе. Его оставил предыдущий смотритель, который уверял, что выбросить такую вещь — всё равно что утопить хорошую собаку.

Артём не включал его со вчерашнего вечера. И совершенно точно помнил, что повернул ручку питания до упора. Однако зелёный индикатор светился.

Из динамика доносилось негромкое потрескивание.

— …приём… слышите…

Голос был мужской, очень далёкий.

— …аварийная ситуация… повторяю…

Он подошёл к полке и прибавил громкость.

— Судно, назовите себя.

В ответ зашипело сильнее.

— Судно, назовите себя, — повторил Артём.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом сквозь помехи прорвался голос:

— «Северная звезда». Вызываем берег. Приём.

Артём почувствовал, как похолодели пальцы. Он не сразу понял услышанное. Точнее, понял прекрасно. Но мозг отказался принимать смысл.

«Северная звезда».

Семь лет назад рыболовное судно «Северная звезда» вышло из порта с экипажем из девяти человек и исчезло. Его искали девятнадцать дней. Нашли два спасательных круга, пустую канистру и деревянный ящик с промокшими накладными. Ни обломков корпуса, ни тел.

Среди пропавших был старший брат Артёма. Илья Воронцов.

— Кто говорит? — спросил Артём.

В динамике треснуло.

— Повторите.

— Кто у вас на связи?

Пауза.

— Старший механик Воронцов.

Артём медленно сел на стул. Он не помнил, как дошёл до него.

— Имя.

— Что?

— Назови имя.

За окном грохнул гром. На мгновение кухня осветилась белым, и Артём увидел своё отражение в стекле: небритое лицо, впалые щёки, глаза человека, который слишком давно не спал.

— Илья, — ответил голос. — Илья Воронцов.

Артём закрыл глаза.

Семь лет он представлял, как услышит это имя. Иногда ему снилось, что брат звонит домой и просит забрать его из какого-то незнакомого города. Иногда — что Илья сидит на кухне и ест зелёное яблоко, а Артём никак не может спросить, где тот пропадал. Но во всех снах было одно общее: он просыпался раньше, чем успевал услышать ответ.

— Илюха?

Радио зашипело.

— Илюха, это Тёма.

Долгая тишина. Потом:

— Тёмка?

Артём стиснул край стола. Так его называл только брат.

— Да. Это я.

— Господи… — В голосе Ильи послышался короткий, неверящий смех. — Тёма? Ты где?

— На Сивере. На маяке.

— На каком ещё маяке?

— Илья, послушай меня. Какой сейчас год?

— Ты чего?

— Скажи.

— Две тысячи девятнадцатый.

Артём посмотрел на календарь. Двадцатое октября две тысячи двадцать шестого года.

— Илюха… Ты должен меня внимательно выслушать.

— Тём, у нас тут какая-то хрень происходит. Капитан говорит, мы уже трижды проходили один и тот же буй. Компас крутится. А ещё…

Связь оборвалась.

— Илья?

Треск.

— Илья!

Артём ударил ладонью по столу. Схватил микрофон.

— «Северная звезда», ответьте! Илья, ты меня слышишь?

В ответ донёсся странный звук. Тихий, почти музыкальный. Несколько нот, которые он почему-то знал. Мелодия исчезла прежде, чем он успел её узнать.

Затем радио снова ожило.

— Тёма.

Теперь голос Ильи звучал иначе. Тихо. Очень близко.

— Слушай меня. Что бы ни случилось, не открывай дверь.

Артём посмотрел в коридор.

— Какую дверь?

— Никому. Понял?

— Илья, объясни…

— Особенно если услышишь мой голос.

Связь оборвалась.

Артём ещё несколько секунд держал микрофон у рта. Потом медленно положил его на стол.

Часы показывали 02:16.

Он посмотрел на дверь. Снаружи выл ветер. Труба снова ударила о стену.

— Ну конечно, — прошептал Артём.

Он хотел убедить себя, что всё происходящее имеет объяснение. Чья-то жестокая шутка. Перехваченная запись. Неисправный передатчик. Но тогда откуда голос? Откуда это проклятое «Тёмка»?

Он шагнул к радио.

И услышал три удара в дверь.

Не в стену. Не в водосточную трубу. В дверь.

Тук.

Тук.

Тук.

Артём остановился. В коридоре пахло сырой штукатуркой и керосином. Он стоял неподвижно, вслушиваясь в темноту.

А потом с другой стороны двери раздался голос Ильи:

— Тёма, открой. Я промок до нитки.

И в тот же миг радио за его спиной прошипело:

— Не вздумай.

Первым желанием было открыть. Не подумать, не спросить, не выглянуть в окно — просто повернуть тяжёлый ключ и увидеть брата. Так бывает, когда семь лет ждёшь невозможного: невозможное наконец приходит, а ты забываешь, что оно может оказаться опасным.

Артём сделал шаг к двери и остановился.

С другой стороны кто-то кашлянул. Звук был знакомый, надсадный, с коротким свистом в конце. Илья так кашлял после зимней рыбалки, когда простудился и две недели отказывался идти к врачу.

— Тём, — позвали снаружи. — Тут не курорт. Открывай.

Артём сжал кулаки.

— Как меня называла бабушка?

Тишина.

— Чего?

— Бабушка. Как она меня называла?

— Ты совсем охренел? Я мокрый насквозь.

— Ответь.

За дверью раздался вздох.

— Комарик. Потому что ты вечно пищал и всех кусал. Теперь открывай.

Это был правильный ответ.

Артём протянул руку к ключу. Металл был холодным и липким. С кухни зашипел приёмник, но слов он не разобрал. На секунду ему показалось, что там кто-то плачет.

— Илья, отойди от двери.

— Зачем?

— Просто отойди.

Он не стал ждать ответа. Прошёл на кухню, взял тяжёлый фонарь и вернулся к узкому боковому окну. Оно выходило на крыльцо под таким углом, что можно было увидеть только верхнюю ступеньку и часть площадки. Дождь бил по стеклу. За ним стояла фигура в тёмной куртке.

Лицо скрывал капюшон.

— Подними голову, — сказал Артём.

Человек послушался.

Илья.

Тот же широкий нос, та же рассечённая бровь, та же привычка прищуривать левый глаз, когда ветер дул в лицо. Только моложе. Значительно моложе, чем должен был быть сейчас.

Артём почувствовал, как сердце ударило где-то у горла.

Человек за окном улыбнулся.

И одновременно с улыбкой Артём заметил ещё кое-что: дождь стекал с капюшона вниз, но куртка оставалась сухой. Ни одного тёмного пятна на ткани. Ни одной капли на подбородке.

Он отшатнулся.

— Тём? — спросил человек. — Что с тобой?

На кухне радио произнесло очень тихо:

— Не смотри ему в глаза.

Артём отступил от окна.

Снаружи сразу перестали стучать.

Наступила тишина, настолько полная, что стало слышно, как внутри стены потрескивает остывающая труба. Даже шторм будто отошёл от маяка на несколько сотен метров.

Потом человек у двери сказал голосом Ильи:

— Ладно. Ты всегда был трусом.

И пошёл вниз по ступеням.

Артём смотрел на мутное стекло, пока силуэт не исчез. В голове вспыхнуло воспоминание о последнем разговоре с братом. Семь лет назад он тоже назвал Артёма трусом. Тогда Артём ответил так, что потом тысячу раз хотел откусить себе язык.

Артём не сразу убрал руку с ключа. Под ногтями выступила белизна, будто он пытался удержать дверь собственными пальцами. Ветер рвал крышу, а человек за порогом ждал, и Артём с ужасом понимал, насколько мало нужно, чтобы открыть: повернуть ключ, потянуть ручку. Движение, которое он совершал десятки раз за день.

Он вспомнил летний день на пристани. Илье тогда было двадцать два, Артёму — пятнадцать. Старший брат стоял на скользкой кромке бетона и смеялся, пока Артём убеждал его не прыгать. «Если будешь всё время бояться, никогда не узнаешь, что там, внизу», — сказал Илья. И прыгнул. Через секунду вынырнул, отплёвываясь и матерясь: под водой оказалась старая покрышка, и он распорол о проволоку ногу. Артём до сих пор помнил, как тащил его к лестнице, как кровь разбегалась по воде розовыми нитями.

Тогда Илья смеялся даже с рассечённой голенью. А сейчас за дверью стояло существо, которое знало бабушкино прозвище. И этого было достаточно, чтобы Артём захотел ему поверить.

Он заставил себя отступить. На полу возле порога блестела тонкая дорожка влаги. Вода просачивалась из-под двери внутрь, хотя крыльцо было выше земли и порог уплотнили всего месяц назад. Артём присел, коснулся мокрого камня. Вода оказалась тёплой.

В октябре на Сивере не бывало тёплого дождя.

Он вытер пальцы о брюки, почувствовал под ладонью старый шрам на колене и вдруг разозлился. На Илью, на остров, на собственную готовность поверить первому знакомому голосу. Злость помогала думать. Страх заставлял торопиться; злость хотя бы удерживала его на месте.

— Если ты Илья, — сказал Артём, стараясь говорить ровно, — назови последнее, что я тебе сказал перед рейсом.

За дверью стало тихо.

— Ты серьёзно хочешь сейчас об этом? — спросил голос.

— Назови.

Долгое молчание. Затем очень тихо:

— Ты сказал, чтобы я исчез.

Артём прижался затылком к холодной стене. Он и сам не знал, какого ответа ждал. Правда была хуже любой ошибки.

— И что ты мне ответил?

— Ничего, Тём. Я ушёл.

Это тоже было правдой. Артём так и не услышал хлопка двери в тот день: он сидел в ванной с открытым краном, чтобы заглушить шаги брата. Воспоминание вернулось целиком, с запахом дешёвого мыла и сырой занавески. Он не понимал, откуда чужак мог знать даже это, но вопрос о том, кто стоял снаружи, сделался только страшнее.

Он бросился к двери.

Открыл первый замок.

Остановился.

На полу лежало яблоко, которое он оставил на кухонном столе. Оно было разрезано на две аккуратные половинки. Между ними чернела тонкая полоска гнилой сердцевины.

Артём медленно повернулся.

На столе лежало другое яблоко. Целое. С красным бочком и длинной полосой кожуры рядом.

Часы показывали 02:11.

Он проверил часы на запястье, затем настенные, затем телефон. Все показывали одно и то же: 02:11. Но телефон успел потерять связь с сетью, а дата на экране изменилась на девятнадцатое октября.

Артём достал блокнот, в котором записывал показания генератора. На чистой странице написал: «02:11. Радио. Илья у двери. Не открывать. Яблоко». Подумал и добавил: «Проверить время».

Рука дрожала так сильно, что последняя буква ушла вниз.

Он положил блокнот в карман и подошёл к столу. Яблоко было настоящим: прохладная кожица, лёгкий запах воска, крохотная вмятина возле хвостика. Он разрезал его ножом. Кожура снова оборвалась в том же месте.

За окном ударил гром.

Часы показывали 02:11.

Артём смотрел на разрез, пока не заметил, что на мякоти уже выступает коричневое пятно. Окисление шло слишком быстро: на глазах, как ржавчина по влажному железу. Он поднял половинку, поднёс к носу. Пахло свежим яблоком.

Радио щёлкнуло.

Он не подошёл.

— «Северная звезда». Вызываем берег. Приём.

Артём достал блокнот. Перечитал собственные слова. Он не помнил, чтобы писал их раньше, хотя чернила ещё блестели.

— Кто говорит? — спросил он в пустоту.

Из динамика ответил Илья. Слово в слово. Тот же вопрос о маяке, тот же неверящий смешок, тот же страх в конце передачи.

На этот раз Артём не спрашивал год. Он ждал, когда брат скажет о буе. Илья сказал.

Тогда Артём перебил его:

— Слушай. Ты находишься в каком-то повторении. Я тоже. Мне нужно знать, где вы. Что у тебя перед глазами?

На другом конце помолчали.

— Тёмка, ты пил?

— Илья, пожалуйста.

— Чёрная вода. Справа огонь. Три вспышки. Потом темно. Слева… — Илья запнулся. — Слева кто-то стоит на палубе.

— Кто?

— Не знаю. У нас там никого быть не должно.

Слышался шум шагов, далёкий крик. Потом брат прошептал:

— Он похож на тебя.

Связь оборвалась.

В дверь постучали трижды.

Артём не двинулся. Он положил перед собой блокнот и записал: «Вторая передача. На корабле человек, похожий на меня».

Снаружи брат попросил открыть. Артём молчал. Брат назвал его трусом и ушёл.

Часы перескочили на 02:17.

Ничего не произошло.

Прошла минута. Потом ещё одна. Ветер вернулся, ударил по дому, и Артём почти обрадовался этому привычному шуму. Он сумел не открыть дверь. Возможно, всё было так просто.

В 02:20 погас свет.

Генератор умолк без характерного последнего рывка. Одновременно прекратился дождь. Маяк за стеной перестал гудеть.

Артём включил фонарь. Луч упёрся в дверь кухни. На двери появилась новая царапина — глубокая, белая, будто её только что провели гвоздём. На уровне человеческих глаз.

Он не помнил этой царапины.

Он направил луч на пол. Вода из-под входной двери исчезла. Камень был сухим, пыль лежала нетронутой. Артём провёл подошвой по шву между плитами, затем вернулся к столу и записал время. Рядом поставил знак вопроса. После недолгого раздумья обвёл его дважды.

Он работал с оборудованием достаточно долго, чтобы знать: сначала нужно установить, что повторяется, а что нет. В генераторной неполадки начинались с мелочей. Необычный запах. Падение давления на долю деления. Звук, который вчера был другим. Если не обращать внимания, через неделю получишь пожар. Если обращать внимание на всё подряд — сойдёшь с ума ещё до пожара.

Блокнот был единственным предметом, которому Артём пока доверял. Он проверил переплёт, вырвал из середины пустой лист и сунул его в карман. Потом взял второй, написал на нём крупно: «НЕ ОТКРЫВАЙ. СПРОСИ ПРО ЯБЛОКО», сложил вчетверо и спрятал под тяжёлую ножку стола.

Если время снова повернёт назад, останется ли записка? Он не знал. Но впервые за эту ночь у него появилось занятие, не связанное с ожиданием чужого голоса.

Из-за стены донёсся короткий металлический звон. В обычную ночь Артём принял бы его за остывающую трубу. Теперь он услышал в нём почти человеческую осторожность: словно кто-то задел железо и тут же замер, надеясь, что его не заметили.

Артём погасил фонарь.

В темноте ярче выступил прямоугольник окна. За ним качались серые струи дождя. Из коридора пахнуло морской солью — резче, чем прежде, как будто дверь открыли прямо над прибоем.

Он вспомнил о старом аварийном выходе из башни. Тот вёл через служебный тоннель к дизельной будке. Дверь там заржавела, но её можно было выбить ломом. Если в доме действительно кто-то есть, у Артёма оставался путь наружу.

И тут он поймал себя на мысли, от которой стало стыдно: он уже планировал побег, хотя семь лет мечтал о возможности найти Илью. Ещё час назад он бы поклялся, что ради брата готов на всё. Теперь готовность упиралась в дверь, за которой кто-то слишком хорошо умел подражать живым.

Он поднял фонарь снова, направил свет в коридор и сделал шаг. Потом второй.

На третьем шаге в темноте впереди тихо скрипнула половица — та самая, возле которой Артём обычно переступал через щель.

Кто-то стоял на ней.

В коридоре зашуршали шаги.

— Илья? — спросил Артём.

Шаги остановились.

И голос, который теперь никак не мог принадлежать брату, ответил:

— Ты не открыл. Значит, придётся войти иначе.

Глава вторая. Человек в коридоре

— Ты не открыл. Значит, придётся войти иначе.

Артём так крепко сжимал фонарь, что пальцы свело. Свет дрожал на стене, выхватывая облупившуюся масляную краску и старую трещину над выключателем. Между ним и входной дверью было шесть метров коридора. Артём знал здесь каждый выступ, каждую доску. Третья от кухни скрипела, если наступить на правый край. Именно она только что скрипнула.

— Кто здесь? — спросил он.

Ответа не было.

Самым разумным было вернуться на кухню, закрыться и дождаться рассвета. Впрочем, разумное этой ночью уже дважды оказывалось бесполезным. Он помнил, как в детстве Илья учил его не бегать от собаки: «Побежишь — решит, что ты добыча». Тогда они стояли у чужого забора, за которым бесновалась овчарка, и Илья, конечно, сам пятился быстрее младшего брата. Позже они хохотали над этим всю дорогу домой. Артём попытался вспомнить, как звучал смех Ильи, не искажённый радиопомехами. Не получилось.

— Я вооружён, — соврал он.

Из глубины коридора донёсся тихий вздох. Не страшный, не театральный. Так вздыхает человек, который устал ждать, пока ему откроют.

Артём шагнул к выключателю. Щёлкнул клавишей. Электричества не было. Щёлкнул ещё раз, уже со злостью, будто свет мог появиться от упрямства.

В луче фонаря возникло мокрое пятно на полу. Совсем небольшое, с блюдце. Пока Артём смотрел, пятно вытянулось в узкую дорожку, как если бы по коридору прошёл человек в промокшей одежде. Капли появлялись одна за другой. Никого рядом не было.

Он отступил и задел плечом дверной косяк. Боль оказалась неожиданно приятной: доказательство того, что он всё ещё находится в собственном теле, в собственном доме. Не в дурном сне, где можно падать с лестницы и просыпаться в последнюю секунду.

Вода остановилась у кухонного порога.

Потом медленно потекла обратно.

Артём стоял, пока последняя капля не скрылась за поворотом, и только тогда заметил, что перестал дышать. Он втянул воздух. В нос ударил запах мокрой шерсти, старой древесины и нагретого железа. Непонятное сочетание. Он вдруг вспомнил будку возле дома, которую так и не разобрал после исчезновения Марты. Когда-то у него была собака. Он редко позволял себе думать о ней, потому что за воспоминанием о её пропаже неизменно следовала какая-то чёрная пустота, и в этой пустоте было стыдно задерживаться. Сейчас память о будке всплыла так отчётливо, что он даже увидел ржавый гвоздь на крыше. Но откуда взялся запах, объяснить не мог.

Он вернулся на кухню, закрыл дверь и подпер её тяжёлым табуретом. Потом, подумав, снял с крючка пожарный топорик. Тот давно нуждался в заточке, но весил достаточно, чтобы внушить уверенность. Артём проверил окно: снаружи по-прежнему бушевал шторм. Значит, тишина в доме была не потому, что море успокоилось. Просто стены перестали пропускать его звук.

На часах было 02:23.

Он записал время в блокнот и вывел рядом: «Голос не Ильи. Вода без человека. Движется против уклона». Посмотрел на написанное. Звучало как история пациента, которого давно пора отвезти в больницу. Он добавил: «Всё видел сам. Не пил» — и, помедлив, зачеркнул последние два слова. Какая разница, пил он или нет? Важно было не убедить кого-то постороннего, а самому не забыть последовательность.

Внизу страницы уже стояло: «НЕ ОТКРЫВАЙ. СПРОСИ ПРО ЯБЛОКО».

Артём нахмурился. Это он писал несколько минут назад. Но зачем именно про яблоко? Потому что Илья любил зелёные? Потому что кожура порвалась в ту секунду, когда загорелся свет над морем? Он не мог вспомнить, какое проверочное слово хотел использовать. И от этой маленькой дырки в памяти стало страшнее, чем от воды в коридоре.

Он разыскал старую кассету для диктофона, который держал в шкафу с инструментами. Аппарат был из тех вещей, что годами валяются без дела, пока однажды не становятся необходимыми. Вставил батарейки, нажал запись.

— Двадцатое октября, две тысячи двадцать шестой. Сивер. Я — Артём Воронцов. На маяке происходит… — Он осёкся. — На маяке происходят события, которым у меня пока нет объяснения. Если эту запись кто-то найдёт, не считайте, что я сразу сошёл с ума. Сначала проверьте радиочастоту и генератор.

Он услышал собственный голос в наушнике — хриплый, недовольный, совершенно будничный. Эта будничность подействовала успокаивающе.

— В 02:13 вышла на связь «Северная звезда». Илья назвал себя. Год — две тысячи девятнадцатый. В 02:17 постучали в дверь. Я не открыл. Позже кто-то вошёл в коридор, хотя дверь заперта. Сейчас 02:24. Я остаюсь на месте и пытаюсь установить, что меняется.

Он остановил запись. На плёнке осталось сорок минут. Нужно было расходовать их с умом.

Тут в доме зазвонил телефон.

Звонок шёл из ящика письменного стола, где лежал старый аппарат с пожелтевшей трубкой. Линию отключили ещё весной: после ремонта кабеля связь так и не восстановили. Артём пользовался спутниковым терминалом и иногда, в хорошие дни, мобильным телефоном. Старый аппарат он не выбросил только потому, что тот был тяжёлым и годился прижимать бумаги.

Звонок повторился.

Артём медленно подошёл к столу. Открыл ящик. Аппарат лежал между мотком проволоки и инструкцией к генератору. Провод заканчивался оголёнными жилами.

Он не поднял трубку.

Звонок прекратился после седьмого сигнала.

В наступившей тишине Артём почувствовал странное разочарование. Он вдруг понял, что надеялся услышать на другом конце обычного человека. Диспетчера. Соседа с материка. Кого угодно, кто скажет: «Воронцов, у вас там что, опять линия коротит?»

Он достал аппарат и положил на стол. На обратной стороне корпуса чёрным маркером было написано «НЕ РАЗБИРАТЬ». Почерк был его. Когда он это написал, Артём не помнил.

Телефон зазвонил снова.

На этот раз он не удержался.

— Алло.

В трубке шумел ветер. Не такой, как за окном: более мягкий, с далёкими голосами и звоном посуды.

— Алло, — повторил Артём.

Кто-то тихо вдохнул, словно собирался что-то сказать. Потом послышались четыре ноты. Они проскользнули где-то на заднем плане, едва различимые. Артём знал эту мелодию. Он был в этом уверен. Но прежде чем успел вспомнить откуда, звук оборвался.

— Кто это?

Короткий щелчок. Гудки.

Он долго держал трубку возле уха. Потом положил её на рычаг и заметил, что ладони стали влажными. Странно, что из всего случившегося именно несколько нот потрясли его сильнее всего. Он не пытался напеть их. Не хотел превращать и это в загадку.

На кухне стало холодно. Артём достал из кладовой плотную куртку, натянул шерстяные носки, разогрел на газовой горелке воду. Пока она закипала, проверил содержимое рюкзака:

аптечка, фонарь, запасные батарейки, две шоколадки, сигнальная ракета, моток верёвки. Вещи, которые в нормальной жизни казались излишней предусмотрительностью, теперь приобретали смысл.

Он съел половину шоколадки, хотя не был голоден. Потом заставил себя допить тёплую воду. Ему хотелось метаться по дому, ломать двери, орать в радио, требовать ответов. Вместо этого он сидел на табурете и жевал приторный шоколад, потому что когда-то во время спасательных учений инструктор сказал: «Паника начинается с пустого желудка и красивых решений».

Он не любил вспоминать ту последнюю ссору. Память обыкновенно предлагала ему удобную, хорошо отрепетированную версию: Илья был груб, Артём вспылил, оба наговорили лишнего. Но если оставаться честным, дело началось не с Ильи. Дело началось с того, что Артём в очередной раз решил за брата, как тому следует жить.

Вечером перед ссорой они сидели на кухне в квартире матери. Мать уже два года как умерла, и квартиру собирались продавать. Илья разбирал коробку с фотографиями, небрежно откладывая школьные снимки и разглядывая те, на которых оба ещё были маленькими. Артём составлял список того, что можно выбросить. Ему казалось, что это полезное занятие: составить список, рассортировать вещи, поставить галочки. Вещи, в отличие от людей, слушались.

— Ты хоть на минуту можешь перестать быть начальником склада? — спросил Илья.

— Кто-то должен заниматься делом.

— Мы занимаемся. Просто разным.

Илья достал фотографию, на которой мальчишки стояли на фоне заснеженного гаража. У младшего не было переднего зуба. Старший держал на руках огромного полосатого кота, явно недовольного происходящим.

— Помнишь Барсика?

— Это не Барсик. Барсик был чёрный.

— Значит, это другой кот. Сколько их у нас было?

— Один. Чёрный.

Илья рассмеялся. Его всегда смешило, когда Артём говорил с такой уверенностью о вещах, которые мог помнить неправильно.

— Ладно, профессор. Пусть будет один.

Он перевернул снимок и прочитал подпись матери. На секунду лицо его изменилось, сделалось серьёзным. Артём не спросил, что там было написано. Ему тогда казалось, что спрашивать о чувствах — значит открывать дверь, которую потом придётся долго закрывать.

Илья собирался в море. Артём знал, что рейс обещали тяжёлый: осенняя погода, старое судно, капитан, которому давно следовало выйти на берег. Он уже успел позвонить знакомому в порту, узнать о вакансии механика на берегу и решить, что брату надо сменить работу.

— Я договорился, — сказал он. — После рейса можешь прийти на собеседование.

Илья поднял глаза.

— О чём договорился?

— О работе. Нормальной. Без этих твоих походов.

— Ты спросил меня?

— А смысл? Ты бы опять сказал, что всё прекрасно.

Илья положил фотографию на стол. Осторожно, как хрупкую вещь.

— Ты всё время так делаешь, Тёма. Решишь за всех, потом обижаешься, если тебе не благодарны.

Артём тогда ответил, что хотя бы пытается сохранить брату жизнь. Илья спросил, когда тот успел назначить себя ответственным за чужие жизни. После этого разговор покатился по привычному склону: каждый знал, куда ударить, и оба почему-то били именно туда.

«Да исчезни ты уже куда-нибудь», — сказал Артём.

Илья посмотрел на него долго, почти с любопытством. Потом кивнул, надел куртку и ушёл. Дверь он закрыл тихо. Это было хуже, чем если бы хлопнул.

На следующий день Артём набрал его номер. Услышал длинные гудки и сбросил. Ему не хотелось начинать примирение первым. Ещё через день написал сообщение: «Ты там как?» — и удалил, не отправив. А потом «Северная звезда» вышла в море.

Теперь Артём сидел на маяке, глядя на шоколадную обёртку, и пытался понять, сколько решений в человеческой жизни кажутся мелочами лишь потому, что ты ещё не знаешь, чем всё кончится.

Он заставил себя встать. Прошлое не давало инструкции к настоящему. Но кое-чему учило: желание немедленно всё исправить иногда всего лишь другая форма того же упрямства.

В ту ночь, когда исчезла «Северная звезда», Артём тоже принимал красивые решения. Он поссорился с Ильёй за три дня до выхода судна. Причину ссоры за семь лет он вспоминал столько раз, что она стёрлась, остались только последние слова. Илья говорил, что уедет. Артём сказал: «Да исчезни ты уже куда-нибудь». Сказал легко, со злости, в прихожей. Потом несколько дней собирался позвонить. Ждал, что первым позвонит брат.

Когда позвонили из порта, Артём не сразу понял, почему женщина в трубке спрашивает его отчество.

Он потёр лицо. Сейчас брат был где-то рядом — в двух минутах радиосвязи или в семи годах от него. Хотелось броситься к нему, не разбирая дороги. Но что, если голос в коридоре был прав? Что, если дверь уже однажды открывали? От этой мысли стало не легче, а ещё хуже: в мире, где прошлое может оказаться впереди, ошибку нельзя распознать по времени её совершения.

Артём взял блокнот и начертил план дома. Кухня. Коридор. Генераторная. Лестница к фонарю. Запасной выход через технический тоннель. Он отметил крестом место, где появилась вода. Потом достал с полки старую схему электропроводки. На ней всё выглядело знакомо, за исключением маленького прямоугольника в северной стене башни. Артём поднёс бумагу к лампе, потом к окну. Прямоугольник был напечатан тем же синим цветом, что и остальные помещения, но без подписи.

Он знал эту схему. Сам приклеивал её к фанере два года назад. Прямоугольника тогда не было.

Артём провёл пальцем по бумаге. В углу стояла дата: 1986 год. Ниже — фамилия инженера, часть которой съела плесень.

Снаружи снова прогремело. На секунду стены задрожали, и из шкафа вывалилась ложка. Обычный звук упавшего металла заставил Артёма вздрогнуть так сильно, что он выругался вслух.

— Прекрати, — сказал он самому себе. — Если будешь дёргаться от каждой ложки, до утра не доживёшь.

Он решил сначала проверить генераторную. Если двигатель остановился, нужно было узнать почему. Иначе все его разговоры с братом кончатся вместе с аккумуляторами.

Дверь в коридор он открывал долго. Сначала убрал табурет. Потом подцепил ручку топориком, потянул к себе на несколько сантиметров и направил фонарь в щель. Никакой воды. Никаких следов. Скрипучая доска была сухой.

Он сделал шаг и остановился.

На стене возле выключателя виднелась свежая царапина, длинная, на уровне его глаз. Её не было, когда он впервые направил сюда фонарь. Он потрогал края. Из-под краски выступала светлая древесина. Повреждение было настоящим.

Артём вынул карандаш и рядом, не касаясь самой царапины, поставил маленькую точку. Проверка на будущее. Если царапина исчезнет, а точка останется, он узнает одно. Если исчезнут обе — другое.

В генераторной пахло маслом и холодным металлом. Артём отодвинул защитный кожух, проверил топливо, подачу воздуха, клеммы. Всё было исправно. Он дважды попытался завести двигатель. Стартер не издал ни звука. На аккумуляторе было нормальное напряжение, но стрелка вольтметра не двигалась даже при нагрузке. Прибор показывал то, что должен был показывать, а не то, что происходило.

Он ударил ладонью по корпусу.

— Ну давай. Хоть ты-то будь нормальным.

Мотор молчал.

Он убрал инструменты в ящик и вышел наружу через служебную дверь.

Дождь хлестнул по лицу. После неестественной тишины внутри дома настоящий шторм казался почти дружелюбным. Здесь хотя бы существовали привычные законы: ветер толкал в спину, вода затекала за воротник, камни были скользкими. Артём обошёл дизельную будку и поднялся на площадку, откуда просматривалась бухта.

Служебная дорожка от маяка шла между двумя низкими каменными стенами. Днём их покрывал серый лишайник, похожий на засохшую пену; сейчас камни блестели, словно кто-то натёр их маслом. Артём двигался боком, держась за стену, и всякий раз, когда ветер разворачивался, приседал. На Сивере погибали не от красивых морских бурь, которые снимают для кино. Здесь погибали от одного неверного шага по мокрому камню.

За стеной начиналась площадка, где прежние смотрители складывали уголь. Уголь давно вывезли, но земля оставалась чёрной. Артём заметил у старого сарая жестяную банку, которую сам привязал к верёвке для измерения силы ветра. Банка вращалась, звякала, ударялась о столб. Звук был нелепо домашний. Когда-то он раздражал Артёма; теперь он обрадовался ему, как знакомому человеку.

Он вспомнил, как приехал сюда впервые. Тогда на пристани его встретил смотритель по фамилии Лавров, крепкий седой мужчина с лицом, обветренным до цвета старого кирпича. Лавров носил в кармане две вещи: складной нож и карамельки в шуршащей бумаге. Ножом он открывал консервы, карамельки раздавал всем, кто соглашался слушать его рассказы.

— У острова дурной характер, — сказал Лавров в первый день, ведя Артёма к маяку. — Не злой. Просто дурной. Как у человека, который слишком долго жил один.

Артём тогда подумал, что старик напился. Но Лавров оказался трезвым, хозяйственным и очень внимательным к мелочам. Он показал, как запускать генератор, где лежит запасная прокладка, на какой ступеньке лестницы следует держаться ближе к стене. И дважды повторил, что ночью не стоит ходить к южному причалу.

— Из-за обрыва? — спросил Артём.

— Из-за того, что там темно.

— Везде темно ночью.

Лавров сунул ему карамельку.

— Вот именно.

Через неделю старик уехал. На прощание оставил ключи, журнал наблюдений и записку на обороте старого календаря: «Если не понимаешь, что происходит, сначала проверь время». Артём принял её за очередную причуду.

Теперь он вспомнил эти слова с неприятной ясностью. Он достал часы из кармана и сравнил их с экраном спутникового терминала. Часы показывали 02:34. Терминал — 02:29. До выхода наружу разница составляла одну минуту.

Он поднёс терминал ближе к лицу. Связи не было, но автономные часы работали. Значит, либо один прибор начал отставать, либо время действительно двигалось здесь по-разному. Проверить это можно было только сравнением с третьим источником. Артём вспомнил механический будильник на полке у кровати. Раньше он счёл бы такую проверку бессмысленной. Теперь даже бессмысленная проверка была лучше догадки.

На земле возле сарая он заметил след ботинка. Большой, с характерной квадратной выемкой на каблуке. Артём присел и осветил его фонарём. След был наполнен водой, но края оставались чёткими. Рядом виднелся второй, дальше — третий. Цепочка шла к южной тропе.

Он поднял свою ногу и сравнил подошву. На его ботинках выемка была круглая.

— Лавров? — позвал Артём и сам услышал, как глупо это прозвучало.

Ответил только ветер.

Он прошёл за сарай. Здесь каменная стена защищала от порывов, и можно было стоять почти прямо. На деревянной двери висел ржавый навесной замок. Артём сам смазывал его в августе. Сейчас замок был открыт, а дверь чуть отодвинута.

Внутри пахло мокрой верёвкой, плесенью и старой соляркой. На полке лежали три одинаковых стеклянных изолятора. Рядом — металлическая кружка с бурым ободком от чая. На полу стоял чемодан с облезшей ручкой. Чемодан Артём видел впервые.

Он присел возле него. Замки были закрыты, но один держался на согнутой проволоке. Артём мог бы открыть чемодан ножом за минуту. Вместо этого положил на крышку ладонь. Сквозь кожзаменитель чувствовалась слабая вибрация — не механическая, а скорее такая, какая бывает от работающего холодильника.

Он убрал руку.

Из чемодана донеслось два коротких удара.

Артём попятился и задел ногой ведро. Оно покатилось по полу, громко звякнуло о косяк. Чемодан затих.

«Не открывай», — вспомнил он голос Ильи.

Он не знал, относится ли предупреждение ко всем дверям, коробкам и чемоданам на острове. Не знал даже, говорил ли с настоящим братом. Но впервые за эту ночь решил не проверять всё, до чего мог дотянуться.

Он вышел, закрыл дверь сарая и продел проволоку в петлю замка. Если вернётся сюда, по положению проволоки сможет узнать, открывали ли дверь после него.

Потом оглянулся на море.

Далеко над водой двигался огонёк.

И все аккуратные соображения мгновенно показались ему жалкими.

Сивер был маленьким островом, если смотреть на карту, и бесконечным, если идти по нему ночью. У маяка тянулась узкая полоска травы, дальше начинались камни, колючий кустарник и обрывы. На юге оставались остатки причала. Когда-то здесь жили несколько семей, обслуживавших навигационную станцию. Теперь от посёлка остались фундаменты и печные трубы, торчавшие из зарослей, как чёрные пальцы.

Артём знал остров вдоль и поперёк. В хорошие дни он проходил до южной бухты за сорок минут. В плохие не ходил вообще. Сегодня до рассвета не было смысла пытаться добраться туда. Но он всё равно смотрел на море, выискивая свет «Северной звезды».

И увидел его.

Не в бухте. Далеко за скалами, там, где проходил старый фарватер, двигался крошечный огонёк. Он шёл ровно, слишком ровно для такого волнения. Артём достал бинокль, протёр линзы рукавом. На мгновение сквозь дождь проступил тёмный борт, две мачты и белая полоса надстройки. Затем всё закрылось волной.

— Илья, — сказал он так тихо, что ветер унёс имя прежде, чем оно успело прозвучать.

Он хотел побежать к лодке. Двигатель на ней был исправен, горючего хватило бы до корабля и обратно. Он уже представил, как отталкивает лодку от берега, как ловит канат, как видит брата у борта. Эта картинка была такой ясной, что на секунду казалась воспоминанием.

Потом очередная волна ударила в скалы ниже причала. Белая вода поднялась выше человеческого роста. Артём посмотрел на свои руки. Они дрожали. На лодке он не прошёл бы и сотни метров.

Он остался стоять.

Это было первое решение за ночь, от которого ему стало стыдно и которое одновременно казалось правильным.

Когда он вернулся в дом, на часах было 02:38. На кухонном столе лежал его блокнот. Он не помнил, чтобы оставлял его раскрытым, но страница была открыта на последней записи. Под его последней записью кто-то дописал: «Ты не обязан идти туда сразу».

Артём взял карандаш. Буквы были его. Он даже узнал привычный наклон буквы «д». Но запись не помнил.

— Если это я, — сказал он вслух, — то мог бы хоть объяснить нормально.

Ответ пришёл не из коридора и не из радио.

— Ты бы не поверил.

Артём медленно повернулся к столу.

На стуле напротив сидел мужчина. Его лицо было почти скрыто тенью от настольной лампы, которая не горела. На нём была такая же куртка, как у Артёма, только сильно выцветшая. На висках — седина. В правой руке он держал половинку яблока.

Незнакомец выглядел не как призрак и не как чудовище. Он выглядел усталым. Невыносимо усталым человеком, который давно перестал надеяться, что ему предложат горячего чая.

Артём не сразу заметил главное.

У мужчины было его лицо.

Только старше.

— Не подходи, — сказал тот.

Артём замер с топориком в руке.

— Кто ты?

Мужчина посмотрел на топорик и усмехнулся одним уголком рта.

— Серьёзно? Мы ведь оба знаем, что ты им не ударишь. По крайней мере, не с первого раза.

— Кто ты?

— Спроси что-нибудь, на что ответ знаешь только ты.

Артём сглотнул. В голове вдруг не осталось ни одного вопроса. Он хотел спросить про Илью, про мать, про ту ссору. Но всё это могли знать другие люди.

— Как я сломал палец в десять лет?

— Не сломал, — ответил мужчина. — Илья сказал матери, что сломал. Чтобы она не заметила, как вы разбили окно в теплице. Палец болел от того, что ты прищемил его дверью. Ты ещё неделю ходил с бинтом, потому что боялся признаться.

Артём почувствовал, как похолодело во рту.

— Это можно узнать.

— Конечно. Всё можно узнать, если очень хочется. Ты всегда так говоришь, когда ответ не нравится.

Мужчина положил яблоко на стол. Срез был бурым, словно оно пролежало здесь несколько часов.

— Ты уже пытался выйти к кораблю, — сказал он.

— Я не выходил.

— И правильно. Сегодня не вышел. В другой раз выйдешь.

— В какой другой раз?

Мужчина устало потёр переносицу.

— Я не могу рассказать всё. И не потому, что мне нравится быть загадочным. Слишком многое меняется от того, что ты узнаёшь раньше времени.

— Удобно.

— Да. Меня самого бесило.

Артём смотрел на него и пытался заметить несоответствие: родинку не на той щеке, неправильный изгиб носа, чужую манеру говорить. Ничего. Даже пауза перед неприятным признанием была его собственной.

— Сколько раз? — спросил он наконец.

Мужчина не ответил.

— Сколько раз это уже было?

— Достаточно, чтобы я перестал считать ночи. Недостаточно, чтобы научиться не делать глупостей.

Артём почувствовал, как поднимается ярость. Он хотел схватить незнакомца за воротник, встряхнуть, заставить объяснить. Семь лет он жил без ответа на один вопрос, а теперь ему предлагали ещё десяток.

— Где Илья?

— На корабле.

— Жив?

Мужчина отвёл глаза.

— В некоторые минуты — да.

— Что это значит?

— Именно то, что я сказал.

Артём шагнул к столу. Мужчина резко поднял руку.

— Не трогай меня. Если мы окажемся слишком близко, всё начнётся раньше.

— Что начнётся?

— Следующая попытка.

В кухне стало тихо. Настолько, что Артём услышал, как вода капает с его куртки на пол.

— Значит, это повторяется, — произнёс он.

Мужчина кивнул.

— И каждый раз я просыпаюсь здесь?

— Не совсем.

— И могу делать что хочу?

Мужчина посмотрел на него с таким выражением, что Артём замолчал.

— Ты думаешь, если ночь повторяется, ничего не стоит испортить её ещё раз, — сказал тот. — Так я тоже думал. Запомни одну вещь: остров возвращает часы, но не возвращает всё остальное.

— Что именно?

— Сначала ты замечаешь мелочи. Потом перестаёшь понимать, какие из них были мелочами.

Он протянул руку к блокноту, но остановился, не коснувшись бумаги.

— Когда Илья снова выйдет на связь, спроси его про коробку. Не про яблоко. Про коробку.

— Какую?

— Он поймёт.

— И это всё? Ты явился сюда, чтобы сказать мне два предложения?

Мужчина улыбнулся. Улыбка вышла страшной не потому, что была злой, а потому, что Артём увидел в ней собственную привычку прятать растерянность за насмешкой.

— Нет. Ещё чтобы предупредить: когда услышишь, как кто-то зовёт тебя по имени из третьей комнаты, не отвечай.

— Какой третьей комнаты?

Снаружи вспыхнул красный свет.

Он прошёл по кухне, задержался на стене и погас. Артём моргнул. Стул напротив был пуст.

Яблоко осталось.

Он не сразу решился взять его. На срезе виднелись отпечатки зубов. Его зубов, подумал Артём, хотя не смог бы объяснить, откуда знает. Он завернул половинку в чистую салфетку и положил в металлическую коробку из-под чая. Затем поставил коробку на верхнюю полку, где её не мог задеть случайно.

Часы показывали 02:41.

Артём открыл блокнот и долго смотрел на страницу. Ему хотелось написать «я видел себя». Но слова казались нелепыми. Вместо этого он вывел: «Посетитель. Знал про теплицу. Предупредил о коробке и третьей комнате. Красная вспышка — исчез».

Прежде чем идти наверх, Артём решил проверить часы. Он принёс с полки механический будильник — белый, с треснувшим пластиковым стеклом — и поставил рядом с настенными. Будильник показывал 02:39, настенные 02:41, часы на запястье 02:41. Он завёл будильник и слушал его тиканье. Раз в секунду маленькая стрелка вздрагивала. Ровно, без запинок.

Диктофон лежал возле блокнота. Артём включил воспроизведение, желая проверить, сохранилась ли его запись. Сначала послышался шорох плёнки, затем собственный голос: «Двадцатое октября, две тысячи двадцать шестой. Сивер…»

Он слушал до того места, где перечислял события ночи. Запись совпадала с памятью. Даже его неловкая пауза перед словом «события» сохранилась. Он почти улыбнулся. Хорошо, что хоть что-то подчинялось правилам.

Потом в записи раздался стук.

Артём посмотрел на дверь. В комнате было тихо.

На плёнке он сам говорил: «Я остаюсь на месте и пытаюсь установить…» — и тут позади его голоса послышалось чужое дыхание. Близко к микрофону. Словно кто-то стоял за спиной в тот момент, когда Артём записывал сообщение.

Он перемотал кассету и прослушал снова. Дыхание было. За ним — почти неслышный шёпот, несколько слогов, которые не складывались в слова.

Он хотел прибавить громкость, но передумал. Запись доказывала не то, что рядом находился человек, а то, что аппарат уловил нечто, чего он сам не слышал. Разница была важной. Артём выписал это в блокнот, стараясь не употреблять слов «призрак», «двойник» и «безумие».

Затем принялся разбирать собственные заметки.

Он разделил страницу вертикальной линией. Слева написал «ФАКТЫ». Справа — «ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ». К фактам отнёс радиосвязь с судном, исчезнувшим семь лет назад; голос в коридоре; воду, двигавшуюся против уклона; звонок отключённого телефона; человека за столом. С последним словом задержался. Написал не «двойник», а «человек с моим лицом». Это звучало менее безумно лишь потому, что было точнее.

В колонке предположений появилось: «галлюцинации», «чья-то постановка», «изменение времени», «воздействие газа». Последний вариант он проверил сразу. Газовая горелка была перекрыта, вентиляция работала, датчик угарного газа показывал норму. Артём не стал вычёркивать предположение, но поставил возле него знак вопроса.

Потом записал главное: «Неизвестно, какие действия ухудшают ситуацию».

Он смотрел на эту строчку дольше остальных.

Сколько раз за жизнь он действовал только потому, что не мог вынести ожидания? Бросался чинить то, что следовало сначала разобрать. Срывался на людей, потому что их молчание казалось ему отказом. Уговаривал брата уйти с судна, даже не выслушав, почему тот хотел остаться.

Теперь, если остров действительно позволял менять случившееся, прежняя привычка могла стать смертельной.

Артём оторвал от блокнота маленький лист и написал крупно: «СНАЧАЛА НАБЛЮДАЙ». Прикрепил его к краю стола куском изоленты.

Это не было героическим решением. Ему по-прежнему хотелось побежать, выломать железную дверь, вытащить Илью из любого места, где тот находился. Но теперь он хотя бы знал, что именно пытается удержать в себе.

На лестницу он взял не топорик, а мел, часы и блокнот. И ещё — длинный моток тонкого шпагата. Один конец привязал к ножке тяжёлого стола, другой пропустил через коридор и намотал на ладонь. Если путь наверх изменится, у него останется хотя бы нить, ведущая обратно.

Он сам усмехнулся этой мысли. Нить Ариадны на старом маяке. Илья бы обязательно нашёл повод посмеяться.

Но шпагат он не снял.

Он поднялся к фонарному помещению не сразу. Сначала проверил двери, выпил ещё воды, заменил батарейки в фонаре. На лестнице каждая ступень отвечала привычным скрипом. Он сосчитал их. Сорок четыре. Всё как прежде.

Наверху пахло горячей пылью. Основная линза вращалась, хотя двигатель внизу не работал. Артём осмотрел ремни, шестерни, кабель питания. Всё двигалось без усилия, как будто механизм не нуждался в причине. Две белые вспышки. Пауза. Третья, красная.

Он обошёл помещение и обнаружил в северной стене дверь, которой раньше не было.

Невысокую, железную, с белой цифрой 3.

Артём не стал сразу её открывать. Он обвёл мелом контур по камню, проверил толщину стены снаружи по старому плану. Дверь находилась там, где по чертежу проходил сплошной массив кладки. За ней не могло быть комнаты — разве что она занимала место снаружи башни, прямо над обрывом.

Из-за двери донёсся звук. Сначала показалось, что кто-то переставляет стеклянные банки. Затем — три лёгких удара.

Артём поднял руку к ручке и вспомнил слова посетителя.

Не отвечай.

Он отступил.

На двери висела металлическая табличка. Её буквы были мелкими, выдавленными в потемневшем металле: «НЕ ВКЛЮЧАТЬ ПРИ ПРИСУТСТВИИ ВТОРОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ».

Ниже кто-то нацарапал цифру шесть.

Артём осветил её фонарём. Царапина была свежая. Он не знал, что она означает, и не собирался придумывать объяснение. Вместо этого достал блокнот, срисовал табличку и сделал шаг назад.

Тогда за дверью тихо произнесли:

— Тёма.

Не голосом Ильи.

Женским голосом, усталым и очень близким.

Артём замер. Он не узнал голос, но почувствовал то же странное сжатие под рёбрами, что и во время телефонного звонка. На секунду ему захотелось ответить, хотя бы спросить, кому нужна помощь.

Он стиснул зубы и молча пошёл вниз.

На кухне радио шипело.

— «Северная звезда». Вызываем берег. Приём.

Артём сел, открыл блокнот на чистой странице, поставил рядом диктофон и только после этого поднял микрофон.

— «Северная звезда», слышу вас. Илья, это Артём.

— Тёмка? Ты где?

Голос был таким живым, таким привычным, что у Артёма защипало глаза. Он представил брата в промокшем свитере, с закатанными рукавами, с вечной привычкой грызть ноготь большого пальца, когда нервничает. Хотелось говорить с ним обо всём сразу. О матери, которой больше нет. О семи потерянных годах. О том, что он не имел в виду последние слова.

Но он заставил себя спросить другое:

— Илья, у тебя есть коробка?

Связь затрещала.

— Какая ещё коробка?

— Подумай. Может, в каюте. Может, кто-то передал.

Пауза затянулась.

— Тёма, — сказал Илья совсем другим голосом. — Откуда ты знаешь?

— Что в ней?

— Не знаю. Я её не открывал.

— Почему?

— Потому что на крышке написано твоим почерком: «Открыть, когда вернёшься».

Артём посмотрел на собственную руку, державшую микрофон.

— Я тебе ничего не отправлял.

— Тогда кто?

Слышались шаги, металлический скрип койки. Илья, кажется, полез под неё.

— Не открывай пока, — быстро сказал Артём.

— А что мне делать?

Артём взглянул на блокнот. Он ещё не знал. Впервые за эту ночь он не стал изображать уверенность.

— Дай мне минуту, — сказал он. — Просто подожди.

Илья не ответил сразу.

— Хорошо, — произнёс наконец. — Подожду.

Это простое согласие почти сломило Артёма. Всю жизнь они спорили, кто из них прав, кто первым должен уступить, кто за кого отвечает. Теперь брат ждал его решения. И Артём вдруг понял, что любой следующий приказ может стоить кому-то жизни.

Он положил микрофон, не выключая связи. Взял карандаш. Написал три варианта: «Открыть». «Оставить». «Выбросить за борт». Посмотрел на них. Перечеркнул первый: слишком опасно, ничего не известно. Третий — тоже: если коробка связана с аномалией, выбросить её может означать потерять единственную улику.

Он снова взял микрофон.

— Илья, слушай внимательно. Не открывай коробку. Убери её туда, где никто не тронет. Потом расскажи мне всё, что на ней написано, до последней царапины.

— Ладно. Только, Тём…

— Что?

— Я рад, что ты ответил.

Артём прижал кулак ко рту. В груди поднялось что-то болезненное, слишком большое для одного вдоха.

— Я тоже, Илюха.

В этот момент красный свет снова прошёл по кухне.

На стене возле двери, рядом с карандашной точкой, появилась вторая царапина.

Артём увидел её раньше, чем услышал скрип.

Он медленно опустил микрофон. Две царапины. Одна точка. Вторая царапина возникла только что, прямо у него на глазах. Значит, происходящее оставляло след. Значит, не всё исчезало при возвращении времени.

Из динамика донёсся голос Ильи:

— Тёма, здесь ещё кое-что написано. Очень мелко, на нижней стороне крышки.

— Читай.

Илья помолчал.

— «Если он спросит про коробку, значит, ещё не вспомнил, что в ней».

Артём смотрел на вторую царапину. Его карандашная точка осталась между ними, как метка на линейке.

— Илья, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Убери коробку. И что бы я ни сказал тебе потом, не открывай её, пока мы оба не поймём почему.

За окном ветер вдруг стих. Не постепенно — словно кто-то закрыл дверь перед самим морем.

Часы показывали 02:47.

Артём записал время. И впервые за эту ночь не торопился сделать следующий шаг.

Глава третья. Цена минуты

В 02:47 море замолчало.

Артём не сразу понял, что изменилось. Ветер только что бил в рамы, гнул водосточную трубу и швырял дождь в стекло, а потом все звуки разом исчезли. Он слышал, как тикают трое часов, расставленных по кухне, как потрескивает остывающая печная дверца и как в динамике брат тяжело дышит после подъёма по судовому трапу.

— Илья, у вас шторм продолжается?

— А куда ему деваться? — ответил брат. — Капитан только что запретил выходить на нос. Тёма, что там с коробкой? Ты же сам велел не открывать.

— Не открывай. Я пытаюсь понять другое.

За окном над чёрной водой застыла волна. Белая пена висела над камнем, словно её удерживали невидимые нити. Артём приоткрыл форточку. Холодный воздух вошёл в комнату, но не было ни порыва, ни запаха брызг. Одна капля на внешней стороне стекла медленно сползла вниз.

Значит, не всё остановилось.

— Назови время, — попросил он.

— Без двадцати три.

Артём посмотрел на настенные часы. Без тринадцати три.

— Точно?

— У нас двое часов. На ходовых без двадцати. На кухне без девятнадцати. Ты что проверяешь?

— Пока не знаю.

Он записал показания, не называя их доказательством. Часы могли идти неверно, радио могло искажать голоса, а сам он — ошибаться от недосыпа. Но неподвижная волна не укладывалась ни в одно обычное объяснение.

— Ты спал? — спросил Илья.

— Часа четыре вчера.

— Значит, почти не спал. Это важно.

— Знаю.

— Тогда рассказывай по порядку. Без своих любимых выводов, пожалуйста. Что видел, что слышал. Отдельно — что придумал.

Артём невольно улыбнулся. Это было настолько похоже на брата, что на секунду исчезли и шторм, и семь лет. Илья всегда умел сказать неприятное без всякой подготовки.

Артём рассказал о мокрых следах в коридоре, о человеке с его лицом, о ключе с цифрой три и о царапинах на стене. На словах «помещение номер три» брат перебил:

— Стой. Какое помещение?

— Дверь наверху. Её раньше не было.

— А сейчас есть?

— В последний раз была.

— Значит, ты даже не знаешь, есть ли она сейчас. Вот с этого и начинай. Не говори «там дверь». Говори «я видел дверь». Понимаешь разницу?

Артём понимал. Он просто не хотел её признавать. За семь лет он привык говорить о пропавшем брате как о погибшем. Это казалось способом закончить мучительное ожидание. Теперь голос из 2019 года заставлял его заново различать то, что он знал, и то, что только предполагал.

— Ладно, — сказал он. — Я видел дверь.

— Уже лучше. И что тебе нужно от меня?

Вопрос застал его врасплох. До сих пор Артём пытался спасать брата так, будто тот был грузом, который необходимо вынести из горящего здания. Он командовал, предупреждал, запрещал. Но Илья находился на судне, видел его палубу и мог принимать решения сам.

— Мне нужно, чтобы ты записывал всё необычное. Время, курс, глубину. И не делал ничего только потому, что я приказал.

— Погоди, я это отмечу. Младший брат впервые разрешил мне думать собственной головой.

— Илья.

— Ладно. Серьёзно. Договорились.

Артём хотел добавить ещё что-то, но за окном вдруг снова ударила волна. Пена сорвалась с камня, дождь зашуршал по подоконнику, ветер с треском хлопнул ставней. Он взглянул на часы: 02:49. Тишина длилась около двух минут.

Он записал это. И впервые за ночь не стал немедленно искать объяснение.

* * *

В техническом журнале маяка он нашёл запись, которой раньше не замечал.

Журнал достался от прежнего смотрителя, Лаврова, вместе с ключами и мешком запасных деталей. Лавров был человеком сухим, хозяйственным, любившим крепкий чай и дешёвые карамельки. Перед отъездом он показал Артёму, как заводить генератор, где перекрывать топливо и почему в туман нельзя полагаться на слух. Потом протянул старый календарный листок с фразой: «Если не понимаешь, что происходит, сначала проверь время».

Тогда Артём решил, что это шутка. Теперь отыскал листок в ящике с инструкциями. Бумага пожелтела, но надпись сохранилась.

Он разложил на столе журнал обслуживания, план проводки и судовой справочник. Кухня стала похожа на рабочее место человека, который не собирался ни спать, ни сдаваться. В тарелке застыла гречка, рядом лежало недочищенное зелёное яблоко. На стене над столом висели два листка: «СНАЧАЛА НАБЛЮДАЙ» и «НЕ ПЛАТИ, ПОКА НЕ ЗНАЕШЬ ЦЕНУ».

В журнале под сентябрём 2019 года значилось: «Ключ помещения №3 передан по отдельному акту».

Артём перечитал строчку. Помещения номер три не было ни в одной схеме маяка. Номер один — дизельная, номер два — аккумуляторная. Далее — фонарная площадка и наружная галерея. Он знал план настолько хорошо, что мог нарисовать его по памяти.

На следующей странице несколько строк были закрашены густой чёрной пастой. Артём поднёс лист к фонарю, попытался разглядеть буквы на просвет. Получилось разобрать только одно слово: «наблюдатель».

Ниже была нарисована схема проводки. Третья линия отходила от распределительного щита и обрывалась у стены, которой на официальном плане не существовало. Возле линии стоял маленький знак: круг с двумя точками.

Точно такой же знак Артём обнаружил на полях своего блокнота.

Он долго смотрел на него. Не помнил, чтобы рисовал. Вполне возможно, нарисовал машинально, пока говорил с братом. Но если так, почему именно этот знак?

Он переписал находку в колонку фактов и отдельно — три возможных объяснения. Первое: Лавров знал о скрытом помещении. Второе: в журнале была старая схема, не соответствующая нынешнему маяку. Третье: сам журнал изменился. Ни одно объяснение не казалось достаточно надёжным.

— Тёма? — позвал Илья.

Артём взял микрофон.

— Здесь.

— У нас на радаре берег, которого нет на карте. Капитан ругается с штурманом. Говорит, что компас врёт, но я вижу огонь своими глазами.

— Сколько вспышек?

— Две белых. Потом красная.

Артём посмотрел на окно. По стене прошёл багровый отблеск.

— Что под башней?

— Два длинных здания. Одно с красной крышей. И какая-то площадка.

Артём не ответил сразу. На Сивере не было двух длинных зданий. Только дом смотрителя, сарай и дизельная будка. Он знал это наверняка. Однако брат видел нечто другое — и видел именно там, где находился остров.

— Можешь определить расстояние?

— Две мили. Может, меньше. В такую погоду даже собственные ботинки не всегда видно.

— Не подходите ближе, пока не разберётесь с глубинами.

— Я капитану передам. Только он не очень любит, когда ему советуют люди с берега.

Связь затрещала. Артём услышал далёкий крик, затем скрежет металла.

— Илья?

— Здесь. Тёма, странная штука. Нас на судне должно быть девять. Капитан пересчитал — десять. Но когда спрашиваешь, кто лишний, каждый говорит, что все свои.

Артём почувствовал, как холод поднимается от живота к груди.

— Запиши имена команды. Пусть каждый распишется сам. Не подсказывай никому.

— Ты думаешь, кто-то забыл своё имя?

— Я думаю, что нам нужен список.

Илья помолчал.

— Ладно. Будет список.

Когда связь оборвалась, Артём ещё долго сидел над планом. Он вспоминал рассказ Лаврова о старом здании возле башни, которое снесли при реконструкции. Кажется, старик упоминал красную крышу. Но когда? В день приезда? Позже, за чаем? Память предлагала сразу несколько версий.

Артём решил не доверять ни одной.

* * *

Около трёх часов он вышел во двор.

Ветер чуть ослаб, но дождь продолжал сечь лицо. Узкая дорожка между каменными стенами блестела от воды. Артём держался за поручень и ставил ноги осторожно: здесь можно было сорваться в море даже днём, если наступить на гладкий камень. На Сивере погибали не от красивых бурь, которые показывают в кино. Здесь погибали от одного неверного шага.

У сарая по-прежнему звенела жестяная банка, привязанная к столбу для измерения силы ветра. Её нелепый домашний звук успокаивал. Артём проверил проволоку на замке: она была на месте. Значит, дверь, вероятно, никто не открывал после его последнего посещения. Он отметил про себя слово «вероятно» и усмехнулся.

На земле тянулась цепочка следов. Квадратная выемка на каблуке. Не его ботинки. Следы шли от сарая к южной тропе и обрывались у края площадки, где дальше начинался мокрый камень. Артём присел, осветил их фонарём. Вода заполняла отпечатки, но края оставались резкими.

Он хотел пойти следом. Очень хотел. Внутри него всё ещё жил тот мальчишка, который, услышав за забором лай, обязательно полез бы проверять, что там происходит. Илья тогда оттаскивал его за воротник и говорил: «Сначала подумай, чем будешь выбираться обратно».

Артём остался на месте.

Он достал фотоаппарат и сделал три снимка следов с разных сторон. Потом положил возле одного из отпечатков складной нож для масштаба и сфотографировал ещё раз. Только после этого поднялся.

Когда он возвращался к дому, из-под стены донёсся короткий собачий лай. Один раз, затем два. Артём остановился так резко, что едва не поскользнулся.

Марта.

Воспоминание пришло само собой: мокрая шерсть, следы лап на деревянном полу, тяжёлое дыхание после долгой прогулки. Когда-то у него была собака, и её отсутствие до сих пор ощущалось в некоторых уголках дома — не как пустота на конкретном месте, а как привычка ждать звука, который больше не раздастся.

Он не позвал её. Даже не повернул голову. Прошло слишком много времени, и он не собирался делать вид, будто не понимает этого.

Лай больше не повторился.

В доме Артём снял мокрую куртку, поставил чайник и долго растирал замёрзшие пальцы. Потом добавил в блокнот: «03:08. Слышал лай. Источник не установлен». Слово «Марта» он писать не стал. Не потому, что боялся его, а потому, что лай сам по себе не доказывал ничего.

Он вдруг понял, что впервые за эту ночь сумел не побежать за звуком, который хотел услышать.

* * *

Илья вернулся в эфир в 03:12.

— Список готов. Девять фамилий. Но подписей десять.

— Кто десятый?

— Не знаю. Последняя подпись — просто буква «С». И никто не помнит, кто её поставил.

— Ты видел, как расписывались?

— Да. Девять человек подошли к столу. Девять. Я стоял рядом. А потом оказалось десять подписей.

— Может, кто-то расписался дважды?

— Почерки разные. И последняя буква как будто продавлена с другой стороны листа. Но сзади бумага чистая.

Артём посмотрел на свой блокнот. Он вспомнил чужую чёрную черту среди синих отметок времени. Неизвестный человек на судне, неизвестная рука в его записях. Связь напрашивалась сама, но он не торопился её объявлять.

— Спрячь список с коробкой, — сказал он.

— Уже. Тёма, у нас ещё хуже. На носу стоит человек.

— Из команды?

— Нет. Я сначала подумал, что это кто-то из наших. Но он в одной рубашке, весь мокрый. Стоит лицом к воде. Его заливает волнами, а он даже не держится за поручень.

Артём сжал микрофон.

— Не подходи.

— Я уже окликнул.

— Илья…

— Он повернулся.

Брат замолчал. В динамике слышались шаги, ветер и чей-то крик.

— Тёма, — сказал Илья, — это ты.

Артём не ответил.

— Не совсем ты. Старше лет на двадцать. Но лицо твоё. Я бы узнал его где угодно.

Артём вспомнил двойника на кухонном полу: седые виски, измождённое лицо, ледяную хватку. Тогда он не спросил у того, как долго человек прожил, чтобы стать таким.

— Что он делает?

— Смотрит на меня.

— Он приближается?

— Нет.

— Тогда наблюдай издалека. Ничего не бери у него из рук.

— Он плачет, — тихо сказал Илья.

Артём закрыл глаза.

— Что?

— Смотрит прямо на меня и плачет. Что-то говорит, но я не слышу. Ветер.

На судне грохнуло железо. Кто-то закричал: «Ложись!» Илья вскрикнул, микрофон ударился о переборку. Связь пропала.

На стене возле кухонной двери появилась новая царапина.

Артём видел, как вздулась краска, как под ней проступила тонкая белая линия. Он не моргал, пока линия не углубилась и не застыла. Теперь царапин было четыре.

Он поднялся. Взял топорик. Сделал два шага к коридору.

И остановился.

Ему хотелось броситься наверх, выломать дверь номер три, включить сирену, сделать хоть что-нибудь. Но он не знал, какое из этих действий поможет Илье, а какое приблизит то, что случилось с «Северной звездой» семь лет назад.

Он вернулся к столу, положил топорик и записал время.

03:16. Четвёртая царапина. Причина неизвестна.

Рука дрожала. Он не стал притворяться, что спокоен. Просто продолжил писать, пока буквы снова не сделались разборчивыми.

* * *

Фотографию старого маяка он обнаружил в техническом журнале между страницами о замене линзы. Чёрно-белый снимок был обрезан ножницами, на обороте рукой Лаврова написано: «До реконструкции».

На снимке справа от башни стояли два длинных здания. У одного крыша казалась почти чёрной, но в цвете вполне могла быть красной. А у края площадки виднелись две тонкие стойки с перекладиной. Артём принял их за часть ограждения.

Он связался с Ильёй, едва тот снова появился в эфире.

— Живой?

— Пока. Тот человек исчез. Просто исчез, когда все на него смотрели. Капитан нашёл на палубе листок, который тот держал. Никому не показывает.

— Слушай. Когда ты смотрел на здания под маяком, что было между ними?

— Двор.

— Что-нибудь ещё? Не придумывай, если не помнишь.

Илья задумался.

— Качели, — сказал он наконец. — Детские. Одна стойка будто погнута. Я ещё подумал, кто их сюда притащил.

Артём медленно посмотрел на фотографию. Стойки с перекладиной. Качели.

Он никогда не рассказывал брату об этом снимке. Сам увидел его только сейчас. Илья не мог подстроить ответ под то, что находилось перед Артёмом.

Это было первое независимое совпадение. Не доказательство того, что все его объяснения верны. Но доказательство того, что они видели связанные между собой вещи.

— Илюха, — сказал он, — кажется, ты видишь старый Сивер. До реконструкции. Здания снесли в восьмидесятых.

— В восьмидесятых? Но у нас девятнадцатый год.

— Знаю.

Они замолчали.

— Тёма, — произнёс брат, — если у тебя две тысячи двадцать шестой, значит, ты знаешь, чем закончился наш рейс.

Артём посмотрел на фотографию.

— Знаю, что судно не вернулось.

— Все погибли?

— Поиски ничего не дали. Я не знаю, что случилось с каждым.

Илья долго молчал. Потом спросил совсем тихо:

— Ты как жил после этого?

Артём хотел ответить, что нормально. Работал, ел, спал. Иногда даже смеялся. Но брат спрашивал не об этом.

— Плохо, — сказал он.

— Из-за нашей ссоры?

— Не только.

— Ты всё ещё помнишь, что сказал?

— Каждый день.

— Тёма, послушай. Если я завтра сойду на берег, ты всё равно будешь идиотом за те слова. А если не сойду, это не сделает тебя виновным в шторме, в капитане или в этой чёртовой коробке. Понимаешь?

Артём провёл ладонью по лицу. Семь лет он мечтал услышать прощение, и теперь, когда брат произнёс его, легче не стало. Прощение не возвращало исчезнувшее судно. Не объясняло, что происходит с маяком. И не снимало с него ответственности за следующий выбор.

— Пытаюсь понять, — сказал он.

— Вот и пытайся. Только без героизма, ладно? Мне тут одного капитана хватает.

Артём рассмеялся. Впервые за ночь — не от нервов.

* * *

К четырём часам Артём начал различать закономерность, хотя боялся назвать её правилом.

После красных вспышек менялись мелочи. Перемещалась карандашная точка, исчезала дверца в стене, лестница возвращалась к привычным сорока четырём ступеням. Но записи в блокноте сохранялись. И новые царапины тоже.

Он решил проверить то, что не требовало вмешиваться в судьбу брата.

Из ящика с инструментами взял три одинаковые гайки. Одну положил на стол, вторую — у порога, третью — в карман. Каждую обвязал ниткой своего цвета. Потом сфотографировал расположение старым цифровым фотоаппаратом, которым обычно снимал неисправности для отчётов.

Когда по кухне прошёл красный свет, Артём не двигался.

Гайка на столе осталась на месте. Гайка в кармане тоже. А та, что лежала у порога, оказалась с другой стороны двери. Нитка на ней была мокрой.

Он повторил опыт, предварительно обведя гайку карандашом. После следующей вспышки она осталась внутри контура. Зато рядом на бумаге появилась вторая мокрая окружность.

«Повторение опыта не подтвердило результат», — записал Артём.

И неожиданно почувствовал облегчение. Неудачный опыт тоже был результатом. Он означал, что нельзя строить план на одном совпадении.

В блокноте он провёл ещё одну черту и написал: «Наблюдения не равны правилам».

Радио ожило, когда он заканчивал запись.

— Тёма, капитан показал бумагу, которую держал тот человек.

— Что на ней?

— Страница из журнала. Таблица. Время, место, действие, последствие.

Артём посмотрел на свой блокнот. Именно так он назвал колонки несколько часов назад.

— Есть подпись?

— Две буквы. «А. В.».

— Дата?

— Двадцать первое октября две тысячи двадцать шестого.

Артём медленно сел.

— Читай дальше.

— Последняя строка обведена. «Попытка четвёртая. Не отвечать на вопрос о том, кто остался на берегу».

Артём услышал, как Илья переложил бумагу.

— Тёма, у меня как раз к тебе вопрос. Когда ты приехал на Сивер в первый раз, ты был один?

Артём открыл рот. Он собирался сказать «да». Помнил пристань, Лаврова, тяжёлый чемодан, натёртую новым ботинком ногу. Помнил, как поднимался к дому и как отходил от причала катер.

Но стоило представить тот день целиком, как воспоминание начало расползаться. Он видел свою руку на перилах. Свою тень на мокрых камнях. И рядом с ней — ещё одну.

Он моргнул. Воспоминание исчезло.

— Тёма? — повторил брат.

На стене появилась ещё одна царапина.

Артём смотрел на неё и чувствовал, как привычное желание немедленно ответить, всё объяснить и взять на себя решение борется с чем-то новым. Он не знал, кто оставался на берегу. Не знал даже, был ли там кто-то. Но кто-то уже предупредил его об этом вопросе, причём предупреждение оказалось на судне, в другом времени.

— Илья, — сказал он, — я пока не могу ответить.

— Почему?

— Потому что не уверен, что помню правильно.

Брат не стал спорить.

— Ладно. Выясним вместе.

Артём положил микрофон на стол. За окном начинало сереть небо. Раньше он ждал рассвета как границы, за которой всё непонятное должно исчезнуть. Теперь понимал: свет может только показать больше подробностей.

Он записал последнюю за ночь строку: «Если память ошибается, нельзя делать её единственным доказательством».

Потом взял недочищенное яблоко. Кожура подсохла и свернулась на доске. Он осторожно срезал оставшуюся часть, но полоска порвалась у самого основания.

Когда-то он обязательно начал бы заново. Выбрал бы другое яблоко, попытался бы снять кожуру одним движением. Теперь просто отрезал ломтик и съел.

Яблоко оказалось кислым. Он поморщился.

— Что там у тебя? — спросил Илья по радио.

— Яблоко дрянное.

— А ты всё равно ешь?

— Ем.

— Значит, живой.

Артём посмотрел на серое окно.

— Значит, живой, — повторил он.

И впервые за эту ночь понял, что спасение брата, возможно, начнётся не с того, что он найдёт нужную дверь, а с того, что научится вовремя останавливаться.

Глава четвёртая. Берег, которого не было

Утро не принесло солнца. Оно пришло в виде узкой серой полосы между морем и облаками. Артём сперва принял её за отражение маячного луча, но полоса расширилась, и на мок-

рых камнях проступили отдельные трещины. Остров постепенно возвращал себе знакомые очертания.

Всё выглядело обыкновенно. От этого было особенно не по себе.

Артём стоял у кухонного окна с чашкой остывшего чая. Сарай оставался на месте, жестяная банка у его стены качалась на верёвке. Ни красной крыши, ни длинных построек, ни качелей. Только камни, ветер и редкие чайки, которым не было никакого дела до исчезнувших кораблей.

Радио молчало двадцать минут. На столе лежали три стопки листов. В первой — то, что Артём видел собственными глазами. Во второй — слова Ильи. В третьей — предположения. Он намеренно не соединял их. Ночью ему слишком легко удавалось принимать догадку за доказательство.

Надо было поспать. Хотя бы час. Но сначала проверить маяк: он по-прежнему отвечал за свет, даже если перестал понимать, для кого именно этот свет горит.

На сорок четвёртой ступени Артём остановился. Дальше была площадка. Лишние ступени исчезли, как и железная дверь с цифрой три. Он провёл ладонью по стене, где ночью видел дверную ручку. Штукатурка была холодной, шероховатой. Под пальцами попался маленький металлический кружок размером с монету. На нём виднелись две точки.

Тот самый знак из журнала Лаврова.

Артём не стал ковырять штукатурку. Измерил расстояние до перил, нарисовал кружок в блокноте, сделал фотографию. Потом поднялся к оптике. Механизм работал исправно: смазка на месте, температура корпуса нормальная, линза вращается с обычной скоростью. Только возле щитка аварийного питания обнаружился тонкий провод в красной изоляции, уходящий в щель за стеной.

Он сам менял этот щиток два года назад. Красного провода не было.

На изоляции белой краской стояла цифра три.

Артём сфотографировал провод и закрыл крышку. Ему хотелось потянуть его, проследить, куда он ведёт, но он слишком хорошо помнил ночную сирену и собственную привычку разбирать всё, что не поддаётся объяснению. Провод мог оказаться единственной работающей частью системы, о которой он ничего не знал.

На кухне он снова вскипятил воду. Когда чайник зашумел, из радио донёсся голос брата:

— Тёма. Ты ещё там?

Артём едва не пролил кипяток на руку.

— Здесь. Как вы?

— Вот это хороший вопрос. Мы отошли от берега. Потом десять минут шли в открытой воде. А сейчас берег опять слева.

— Тот же?

— Не совсем. Башни нет.

Артём поднял глаза к потолку.

— Совсем?

— Холм есть, две постройки внизу есть. Качели тоже. А башни нет. Как будто её срезали.

Артём записал каждое слово. Старый снимок подтверждал существование качелей и построек, но не объяснял, почему они появились перед судном, которое вышло в море в 2019 году.

— Капитан что говорит?

— Приказал держать курс и запретил произносить название острова.

— Почему?

— Не объяснил. Когда боцман сказал «Сивер», капитан так на него посмотрел, что тот замолчал.

— Спроси, бывал ли капитан здесь раньше.

— Уже спрашивал. Сказал: «Один раз. И хватит».

Артём отодвинул чашку. До этого он думал только о брате. Но на судне были другие люди, и каждый мог знать что-то важное. Возможно, капитан уже сталкивался с островом. Возможно, именно поэтому пытался увести корабль, хотя приборы показывали разные направления.

— Мне надо с ним поговорить.

— Попробую. Но он сейчас ни с кем не разговаривает. И, Тёма… Ты сказал, что судно не вернулось. Не говори этого остальным. Если они узнают, что уже погибли, я не знаю, что начнётся.

— Я не говорил, что вы погибли.

— Знаю. Поэтому и прошу.

Связь оборвалась. Артём ещё долго держал микрофон. Семь лет он говорил себе, что исчезновение не доказывает гибели. Потом перестал, потому что надежда отнимала слишком много сил. Теперь ему приходилось снова учиться различать эти слова.

Он записал: «Отсутствие сведений — не доказательство смерти». Ниже добавил: «Надежда — тоже не доказательство спасения».

* * *

В нижнем ящике стола лежала жестяная коробка из-под печенья. Лавров оставил в ней предохранители, скрепки, две батарейки и карандаши с надкусанными концами. Артём видел коробку сотни раз, но ни разу не высыпал её содержимое полностью.

Под жестяным дном обнаружилась бумажная прокладка, а под ней — сложенный лист. Обычный акт приёма-передачи имущества. На первой странице перечислялись инструменты, на второй — ключи. Возле строки «Помещение №3» стояла пометка: «Передача не производилась». Ниже другой рукой было дописано: «Отсутствует в действующей описи».

Если помещения не существовало, зачем указывать, что ключ от него не передавали? Если существовало, почему его исключили из описи?

На обороте сохранился круглый штамп технической службы. Внизу карандашом Лавров написал три слова: «Сначала спросить вслух».

— Спросить кого? — произнёс Артём.

Никто не ответил. Он вдруг рассердился — не на Лаврова даже, а на эту манеру оставлять загадки вместо инструкций. Старик мог написать ясно. Мог объяснить, что нельзя делать и почему. Но вместо этого оставил обрывки, будто боялся, что любой точный ответ окажется неправильным.

Артём вспомнил его лицо, обветренное до цвета старого кирпича, карамельки в кармане, привычку проверять каждый болт дважды. Лавров не был человеком, который любил мистификации. Если он писал уклончиво, возможно, у него была причина.

Артём сделал снимки акта и убрал оригинал в прозрачный файл. Затем взял чистую тетрадь. На обложке написал: «Если я перестану помнить, прочитать сначала».

Внутри перечислил события с 02:13. Радиопередача с «Северной звезды». Три удара в дверь. Голос брата снаружи и предупреждение из радио. Изменения в доме. Третий красный огонь. Помещение №3. Расхождение часов. Свидетельства Ильи о старом виде острова.

Писал он долго. Несколько раз останавливался, проверял записи, вычёркивал слишком уверенные слова. Вместо «судно находится в прошлом» написал: «Судно сообщает дату 2019 года». Вместо «остров меняет время» — «показания приборов расходятся после отдельных событий».

От такой точности история не становилась менее страшной. Но хотя бы переставала быть бесформенной.

* * *

К девяти утра ветер ослаб настолько, что Артём решился выйти к южному причалу. Он не любил эту тропу даже в хорошую погоду. Она шла над водой по узкому уступу, где камень был гладким, как вытертая кость. Зимой здесь не ходили совсем.

Он проверил ботинки, взял верёвку, рацию, фотоаппарат. На столе оставил записку: «Ушёл к южному причалу. Проверить старые постройки. Вернуться до десяти».

На пороге остановился. Ночью с другой стороны двери голос Ильи просил открыть. Сейчас за ней стояло обычное серое утро. Артём отодвинул засов, вышел и запер дом.

Первые минуты он шёл почти с удовольствием. Воздух пах водорослями и мокрым камнем. Чайки кричали над бухтой так нахально, словно остров принадлежал им. Здесь не было часов, спорящих друг с другом. Только ветер, шаги и скользкая тропа.

У сарая он заметил, что проволока, которой ночью закрепил замок, исчезла. Дверь была заперта, но не так, как он её оставил. Он сделал фотографию. На пороге лежал тонкий кусочек красной краски. Крыша сарая была серой. Кусочек он положил в пакет.

Дальше шли знакомые ориентиры: валун, похожий на сидящего медведя, расщелина с жёлтой травой, обломок рельса. У валуна Артём увидел две параллельные борозды, словно по мокрой земле тащили тяжёлый ящик. Следы уходили от берега к маяку.

Он измерил расстояние между ними, записал сорок сантиметров и поднял глаза.

Там, где тропа должна была уходить вправо вдоль обрыва, стоял деревянный забор.

Высокий, из почерневших досок, с широкими воротами посередине. Артём никогда его не видел. Забор перекрывал тропу, по которой он ходил сотни раз. На воротах висела табличка: «ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН. ОПАСНАЯ ЗОНА». Ниже — дата: 1987.

Он потрогал доску. Мокрая, шершавая, покрытая старым лишайником. Столбы вросли в землю. Это не могло быть ограждение, поставленное за ночь.

За воротами кто-то кашлянул.

— Кто там? — спросил Артём.

Послышался металлический звон, будто ударили ключом по трубе.

— Дальше нельзя, — произнёс пожилой мужчина. — Табличку разве не видите?

Голос был хриплый, с привычкой растягивать последнее слово.

Лавров.

Артём почувствовал, как в груди всё сжалось. Старик давно уехал с острова. А два года назад Артёму сообщили, что Лавров умер. Он собирался поехать на похороны, но катер не вышел из-за шторма.

— Лавров? — позвал он.

За воротами стало тихо.

— Вы опоздали, — ответил мужчина.

— Куда?

— На смену. Сегодня никого не принимают.

— Какой сегодня год?

Старик хмыкнул.

— Вам в контору надо, если такие вопросы задаёте. А вы кто такой?

Артём открыл рот, чтобы назвать себя, и вдруг не смог вспомнить фамилию.

Он знал, что фамилия есть. Видел обложку паспорта, свою подпись на документах. Но буквы не складывались в слово. Он достал удостоверение смотрителя. Под фотографией значилось: «Воронцов Артём Сергеевич».

— Воронцов, — сказал он.

Слово прозвучало чужим.

За воротами медленно подошли ближе. Между досками показалась рука в рукаве серой куртки.

— А, Воронцов, — сказал мужчина. — Тогда тем более нельзя.

— Почему?

— Потому что вы уже здесь.

— Где?

— За воротами.

И в ту же секунду из-за забора донёсся собственный голос Артёма:

— Не разговаривайте с ним. Он ещё не знает.

Артём отступил. Голос был его — с той же резкостью, которая появлялась, когда он боялся.

— Чего я не знаю?

Никто не ответил. Ворота медленно приоткрылись внутрь, на ширину ладони. За ними виднелись гравий, лужи, край красной крыши. По земле тянулась длинная тень человека.

Он мог войти. Достаточно было толкнуть створку плечом.

Артём вспомнил стук в 02:17. Вспомнил железную дверь наверху. Вспомнил, как ночью всё в нём требовало немедленно открыть, узнать, схватить, исправить.

И отступил.

— Я вернусь, когда пойму, зачем мне туда идти.

Из-за ворот тихо рассмеялся его собственный голос.

— Ты всегда так говоришь.

Створка закрылась. Артём стоял ещё минуту, потом повернулся и пошёл назад, стараясь не бежать.

Когда достиг валуна, похожего на медведя, забора уже не было. Тропа снова уходила вправо вдоль обрыва. Ни столбов, ни ворот, ни таблички.

Артём достал фотоаппарат.

На первом снимке был забор. На втором — ворота с датой. На третьем — открытая створка и кусок двора. В луже отражалась башня маяка, но не нынешняя: ниже и шире, с другим фонарным помещением.

Рядом с башней стоял человек. Лица не разобрать, зато в руках у него был блокнот с белой цифрой три на обложке.

* * *

На обратном пути Артём потерял двадцать три минуты.

Из дома он вышел в 09:12. По наручным часам вернулся в 09:49. Но настенные показывали 10:12, а механический будильник — 10:11. Перед выходом все три прибора совпадали с точностью до минуты. У него даже остался снимок циферблатов.

На фотографии забора в данных файла значилось 09:43. На следующей, сделанной через несколько секунд, — 10:07. Между ними не было других снимков.

Артём сел и перепроверил цифры. Потом ещё раз. Разница никуда не делась.

Впервые он получил измерение, которое нельзя было просто списать на усталость или испорченную память. Он завёл в тетради новую графу: «Потерянное время». Рядом поставил вопросительный знак. Пока он не знал, кто или что теряет минуты: человек, прибор или сам остров.

Он достал удостоверение. Фамилия снова казалась знакомой. «Воронцов», — произнёс он несколько раз. Но не мог забыть, как стоял у ворот и смотрел на собственное имя, словно видел его впервые.

В памяти неожиданно возникла Марта. Собака бежала по мокрой дорожке, спотыкалась о собственные лапы, оглядывалась, ожидая, что он позовёт. Тёплая, обыкновенная картинка из прошлого. Артём почти услышал стук когтей по полу.

Он попытался вспомнить цвет её ошейника.

Синий? Красный?

Он помнил пряжку, помнил, как застёгивал её, но цвет словно вырезали из воспоминания. Артём записал: «Марта. Собака. Пропала. Дату уточнить. Цвет ошейника не помню». Ему было неприятно превращать память о ней в лабораторную заметку. Но если остров отнимал воспоминания, бумага могла помочь удержать хоть что-то.

Радио щёлкнуло.

— Тёма? Ты куда пропадал?

— Я выходил наружу.

— Знаю. Ты сам сказал.

Артём выпрямился.

— Когда?

— Перед тем как уйти. Сказал, что пойдёшь к южному причалу. Потом велел мне ничего не делать до твоего возвращения.

— Я не выходил на связь перед уходом.

Илья молчал.

— Что именно я сказал?

— Говорил медленнее обычного. Сказал, что у причала есть ворота и за ними можно пройти к старому маяку. Попросил не бояться, если я увижу тебя на палубе.

Артём сжал микрофон.

— Ты ничего не сделал?

— Нет. Мы же договорились.

Брат сдержал обещание. А кто-то, используя голос Артёма, пытался заставить его поступить иначе.

— Илья, если я попрошу сделать что-то опасное, сначала проверь, что это действительно я.

— Как?

Артём задумался. Любой вопрос о детстве мог оказаться известен тому, кто копался в его памяти. Он вспомнил бабушкину кухню, яблочный пирог, полосатого кота. И внезапно обнаружил, что не помнит имени кота.

— Ты помнишь, как звали бабушкиного кота? — спросил он.

— Сейчас… Нет. А ты?

— Тоже нет.

Они замолчали. Два брата, разделённые семью годами, одновременно забыли одну и ту же мелочь. Сама по себе она ничего не доказывала. Но Артёму стало не по себе.

— Тогда придумаем что-нибудь новое, — сказал Илья. — Что ты сейчас ешь?

— Ничего.

— Съешь что-нибудь. И скажи мне. Это будет наш ответ.

Идея была простой, почти смешной. Но Артём вдруг понял, насколько она хороша: они могли создать общее воспоминание прямо сейчас, не вытаскивая его из прошлого.

Он открыл шкаф, достал ржаной сухарь и откусил угол.

— Сухарь. Твёрдый, как камень.

— А я ем печенье. Шоколадное. На вкус как картон.

— Значит, если спрошу, что ты ел, ответишь «печенье».

— А если я спрошу тебя — «сухарь».

— Договорились.

Илья помолчал.

— Только, Тёма, это ведь можно подслушать.

— Можно. Поэтому не будем считать проверку гарантией.

— Ты сегодня подозрительно разумный.

— Сам удивляюсь.

* * *

К полудню Артём понял, что должен выбрать между двумя плохими решениями. Он мог оставаться в доме и ждать следующей подсказки. Это было безопаснее. Но «Северная звезда» продолжала кружить возле берега, которого не было на карте, и у её экипажа не имелось времени на его осторожность.

Или он мог попробовать подать судну сигнал.

Нормальный сигнал, понятный морякам, а не таинственный красный огонь. Туманная сирена работала от отдельной системы. Если Илья услышит её, они получат проверку: связаны ли физически берег 2026 года и судно 2019-го.

Но если сигнал привлечёт не только судно?

Артём записал цель: «Проверить, достигает ли сирена судна». Риск: «Неизвестное воздействие на курс». Условие остановки: «Одно включение на три секунды. Ждать подтверждения».

Он рассказал брату план.

— Сирену услышать должны, если мы рядом, — сказал Илья.

— Не меняйте курс сразу. Пусть капитан проверит направление.

— Понял.

Артём проверил контакты, открыл защитную крышку и нажал кнопку.

Гул ударил по дому, прошёл сквозь стены и ушёл в море. Три секунды. Артём отпустил кнопку.

— Илья?

— Ничего не слышали. Погоди… На радаре появилась линия. От берега к судну. Будто кто-то провёл карандашом.

— Может быть помеха.

— Может. Только не исчезает.

За окном вспыхнул красный свет.

И тут Артём услышал сирену снова. Но теперь она звучала ниже, словно шла из-под земли. От гула задрожала посуда. Чашка медленно поползла к краю стола.

Он проверил выключатель. Тот стоял в положении «выключено». Выдернул предохранитель. Сирена продолжала выть.

— Тёма! — закричал Илья. — Что ты сделал?

— Я выключил её!

— У нас берег движется!

— Объясни!

— Он идёт на нас! Не судно к берегу — берег к судну! Капитан даёт полный назад, а мы стоим на месте!

Артём посмотрел в окно. Его собственный берег оставался неподвижным. Но море за ним стало гладким, как тёмное стекло. На горизонте возникла белая полоса.

Сирена оборвалась. В тишине прозвучал корабельный колокол. Один удар. Второй. Третий.

Колокол звонил не по радио. Звук шёл снаружи.

Артём подошёл к окну.

За сараем, там, где должна была быть каменистая бухта, стоял корабль. Не на воде — на берегу. Чёрный корпус, мокрые борта, снасти, облепленные водорослями. Нос упирался в склон. На борту белыми буквами было написано: «СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА».

Артём знал эту надпись по портовым фотографиям. Знал царапину возле буквы «З», расположение иллюминаторов, форму мостика. Это было судно Ильи.

И всё-таки он не побежал к нему.

— Илья, — сказал он в микрофон. — Вы стоите на берегу?

— Нет! Мы в море! До скал метров пятьдесят!

— Тогда это не ваш корабль.

— Что?

— У меня перед домом стоит «Северная звезда». Но ты говоришь, что вы ещё на воде.

— Тёма, не подходи к ней.

На палубе, у носовой надстройки, стоял человек в тёмной куртке. Лица с такого расстояния было не разобрать. Он поднял руку и медленно помахал. Илья всегда махал так, когда отходил от причала: не над головой, а на уровне плеча, будто стеснялся прощаться.

— Обещай, — сказал брат.

— Обещаю.

Человек опустил руку. Судно исчезло. Не растворилось в тумане, не ушло за скалу. Просто в одно мгновение перестало существовать.

На кухонной стене появилась пятая царапина.

Артём измерил её и записал: «12:14. Включение сирены. Ложное судно на берегу. Опасное сближение настоящего судна со скалами. Новая отметка». Он не мог доказать, что одно вызвало другое. Но совпадение было слишком точным, чтобы его игнорировать.

— Я чуть вас не убил, — сказал он.

— Не знаю, — ответил Илья. — Но больше так не делай.

— Не буду.

— И не начинай себя жрать. Мы ещё здесь.

Артём сжал зубы.

— Я должен был сначала…

— Да, должен. Но теперь ты знаешь. Запиши и двигайся дальше.

Артём понял, что брат не просто помогает ему. Илья удерживает его от старой привычки: превращать ошибку в наказание, а наказание — в повод совершить следующую ошибку.

— Записываю, — сказал он.

И действительно записал.

* * *

После полудня остров начал терять мелочи.

Сначала исчез звон жестяной банки у сарая. Артём видел, как она раскачивается, но не слышал её. Потом перестала скрипеть третья доска в коридоре. Он нарочно наступил на неё — она прогнулась под ботинком, как всегда, но не издала звука.

Он проверил слух. Щёлкнул пальцами возле уха. Услышал. Уронил ложку на стол. Та звякнула. Значит, слух не пропал. Замолчали отдельные вещи.

Потом исчез запах кофе.

Артём открыл жестяную банку, поднёс к лицу. Ничего. Он чувствовал запах дыма от печи, мокрой куртки, ржавчины на пальцах. Но кофе пах пустотой. Заваренный напиток был горьким и горячим, обычным на вкус. Только без запаха.

Он записал и это. С каждой строкой становилось страшнее. Остров не разрушался целиком. Он терял мелочи. Звук одной банки. Скрип одной доски. Запах одной вещи. Так можно было не заметить, как исчезнет что-то гораздо важнее.

Артём подумал о фамилии, которую на минуту забыл у ворот. О цвете ошейника Марты. О том, что память не оставляет на себе царапин, по которым можно измерить потерю.

И впервые допустил мысль: возможно, всё это происходит не впервые.

Не в том смысле, что остров когда-то уже переживал подобное. А в том, что он сам мог прожить эти часы, принять решения, потерять что-то и вернуться к началу, не сохранив воспоминаний.

Доказательств не было. Только чужой голос за воротами, его собственный двойник и царапины, число которых росло после опасных событий.

Артём посмотрел на часы. 12:31. До следующего 02:13 оставалось почти четырнадцать часов, если следующая ночь вообще наступит.

Он хотел верить, что у него есть эти часы.

Радио зашипело.

— Тёма, мы нашли журнал капитана.

— Что в нём?

— Последняя запись сделана вчера. Но страницы после неё заполнены твоим почерком.

— Ты уверен?

— Я видел твои письма. У тебя буква «д» всегда будто падает набок. Здесь так же.

— Прочитай.

— Там одна фраза. Повторяется на нескольких страницах: «Не пытайся спасти всех одним движением».

Артём посмотрел на пять царапин.

— Есть дата?

— Двадцать первое октября. Год исправлен несколько раз. Сначала девятнадцатый. Потом двадцать шестой. Потом опять девятнадцатый.

— А последняя запись?

— Без года. Просто время.

— Какое?

— 02:13.

Цифры внезапно показались не временем, а местом, к которому все дороги острова ведут независимо от направления.

— Илья, запиши всё, что произошло с вами. Спрячь запись так, чтобы её можно было найти, даже если ты забудешь.

— Думаешь, я забуду?

— Не знаю.

— Ты ведь уже что-то забыл, да?

Артём посмотрел на строку о Марте. Он не хотел говорить о ней. Её исчезновение было единственной частью прошлого, которую он всё ещё считал своей, не принадлежащей острову.

— Кое-что.

— Важное?

— Пока не знаю.

— Тогда не жди, пока станет ясно. Запиши сейчас.

Артём взял карандаш. На чистой странице написал: «Марта любила бегать по берегу после дождя». Он помнил мокрые следы на камнях, её радость, собственное раздражение из-за грязи в доме. Но не мог вспомнить ни одного конкретного дня, когда они гуляли. Только множество похожих картинок, наложенных друг на друга.

Он сжал карандаш.

— Записал.

— Хорошо. А теперь поешь нормально. У тебя голос как у покойника.

— У тебя тоже.

— Я в море, мне положено.

Они оба засмеялись, но смех быстро стих.

* * *

К вечеру Артём обнаружил то, чего искал с самого утра: доказательство, что остров меняет не только вещи, но и память о них.

Он просматривал фотографии кухни. На раннем снимке возле печи висело полотенце с синей полосой. На следующем полотенца не было. На последнем оно появилось снова, но полоса стала зелёной.

Артём подошёл к печи. Полотенце висело на месте. Полоса была зелёной. Он помнил это полотенце много лет и был уверен, что полоса всегда была зелёной.

Потом посмотрел на первый снимок.

Синяя.

Он увеличил изображение. Рядом лежала синяя ручка, и её оттенок оставался прежним. Значит, дело было не в освещении.

Артём почувствовал, как холод поднимается от живота к горлу. Остров менял предметы. А вслед за ними — уверенность человека в том, какими предметы были всегда.

Он записал наблюдение, сделал ещё три снимка и положил полотенце в прозрачный пакет. Через несколько минут понял, что не помнит, зачем положил его туда. Посмотрел на запись, на фотографии — и вспомнил.

Не само событие. Вспомнил, что должен был помнить событие.

Разница оказалась чудовищной.

Он попытался вспомнить лицо матери. Получилось сразу: лоб, глаза, маленькая морщинка возле губ. Потом день похорон. Чёрная куртка, мокрый снег, запах земли. Но кто стоял рядом? Кто заварил чай, когда они вернулись домой? Он не мог вспомнить.

«Усталость», — сказал Артём вслух.

И не поверил.

За окном прошёл красный свет. На стене появилась шестая царапина.

Он ничего не включал. Не открывал дверей. Не отвечал на стук. Почему новая отметка?

Артём вскочил, измерил расстояние между царапинами, проверил часы. Потом заметил, что со стола исчезла тетрадь с надписью «Если я перестану помнить, прочитать сначала».

Он обыскал кухню. Ящики, полки, пространство под столом. Тетради не было.

Именно её он создал, чтобы защититься от потери памяти. И именно она исчезла первой.

Артём сел на пол возле стола, заставил себя дышать медленно.

«Не трать их на страх», — вспомнил он слова человека со своим лицом.

Теперь он начинал понимать, что тот имел в виду.

Но не знал, сколько у него осталось.

* * *

В 19:06 Илья вышел на связь.

— Тёма, у нас беда.

— Что случилось?

— Пропал человек.

— Кто?

— Боцман. Был в рубке. Вышел за водой — и всё.

— Искали?

— Везде. Но хуже другое. Никто не помнит, как его звали.

Артём закрыл глаза.

— Ты помнишь?

— Помню лицо. Помню, что любил чай с тремя ложками сахара. Помню, как ругался на ржавые болты. А имя — нет.

— Список команды?

— Есть. Но фамилии там больше нет. Девять строк. Все уверяют, что так было с самого начала.

— А бумага с десятью подписями?

Шорох. Пауза.

— Девять. И никакого вдавленного следа.

Артём посмотрел на шесть царапин.

— Тёма, — сказал Илья, — я боюсь, что следующим буду я.

Впервые за все часы брат произнёс это без шутки.

— Я не дам тебе исчезнуть, — ответил Артём.

Слова вырвались раньше мысли. Он узнал прежнего себя — человека, который обещает невозможное, только потому что не выносит чужого страха.

— Не обещай того, чего не знаешь, — сказал Илья. — Просто делай, что можешь.

Артём посмотрел на записи.

— Хорошо. Тогда мы не будем менять курс с помощью маяка. Не будем открывать коробку. Не будем подходить к людям, которые выглядят как мы. И будем записывать всё, что можем проверить.

— А если этого мало?

— Найдём другой способ. Но не бросимся на первый попавшийся.

За спиной Ильи раздался удар. Кто-то закричал.

— У нас свет погас, — сказал брат. — Аварийный тоже.

— Сколько у вас времени?

— Часы остановились.

— На чём?

— На двух тринадцати.

На судне трижды постучали по металлу. Артём услышал это по радио: три ровных удара, как в ту ночь у входной двери.

— Илья, если услышишь стук, не открывай!

— В какую дверь?

— В любую!

— Тёма, тут кто-то стоит за дверью рубки.

— Кто?

— Говорит, что пришёл с берега. Знает твоё имя.

— Не открывай.

— Говорит, ты просил его помочь.

Послышался скрип ручки.

— Илья, пожалуйста!

Брат ответил очень тихо:

— Тёма… он говорит твоим голосом.

Связь оборвалась.

Артём стоял посреди кухни. За окном медленно темнело. Он посмотрел на часы: 19:11. До 02:13 оставалось семь часов и две минуты.

Он мог ждать. Мог снова вызвать судно. Мог попытаться открыть дверь номер три. Мог сделать всё то, чего боялся, потому что брату грозила опасность.

Но действовать вслепую было нельзя.

Он достал ключ с цифрой три, положил его рядом с фотографией старого маяка и открыл журнал Лаврова на схеме проводки.

Красный провод уходил в стену. Круг с двумя точками был нанесён возле помещения, которого не существовало.

«Сначала спросить вслух», — написал старик.

Артём долго смотрел на эти слова. Потом поднялся и направился к лестнице.

Не чтобы открыть дверь.

Сначала — чтобы задать вопрос.

На сорок четвёртой ступени он остановился перед глухой стеной. Положил ладонь на металлический круг и произнёс:

— Кто здесь наблюдатель?

Внутри стены что-то щёлкнуло. Не замок. Скорее маленький переключатель.

А затем из-за штукатурки раздался его собственный голос — спокойный, усталый, почти ласковый:

— Наконец-то правильный вопрос.

Артём не отнял руку.

— Тогда отвечай.

Голос помолчал.

— Ты смотришь на остров, Артём. А остров смотрит, что ты готов потерять.

Где-то внизу радио ожило.

— «Северная звезда». Вызываем берег. Приём.

Артём узнал голос брата. Теперь тот звучал бодро, почти весело, как в начале ночи.

— «Северная звезда». Вызываем маяк Сивер. Приём.

Артём посмотрел на часы.

Стрелки стояли на 02:12.

Секундная сделала один шаг. Потом ещё один.

Артём понял, что до следующей минуты осталось совсем немного. Он не знал, вернётся ли в ту же ночь, потеряет ли ещё один день или увидит что-то, чего прежде не было. Но у него оставались фотографии, записи на разрозненных листах, шесть царапин и память о голосе брата, который просил не обещать невозможного.

Он убрал руку с металлического круга.

Снизу снова позвали:

— Тёма? Ты слышишь?

Артём сделал шаг к лестнице.

И впервые за всё время не ответил сразу.

Глава пятая. То, что остаётся

Стрелка часов сдвинулась.

Артём стоял на сорок четвёртой ступени, держась за перила, и смотрел на циферблат наручных часов так пристально, будто мог остановить время взглядом. Секундная стрелка дошла до двенадцати. Минутная дрогнула.

02:13.

Внизу зашипело радио.

— «Северная звезда» вызывает берег. Приём.

Голос Ильи был бодрым и раздражённым, каким Артём услышал его в начале ночи. Ни следа усталости, ни хрипоты после долгих часов шторма. За спиной брата кто-то ругался из-за мокрых карт. Звенела посуда.

Артём не двинулся.

Снаружи ветер с такой силой ударил в башню, что железная лестница едва ощутимо завибрировала. Где-то внизу хлопнула ставня. Он услышал звук разбившейся чашки.

Та самая чашка, которую утром поставил на край стола.

Нет, не утром. Сегодня утром? Вчера утром?

Он спустился на одну ступень, потом остановился. В памяти всё ещё были светлый берег, забор 1987 года, голос Лаврова, корабль, стоявший на камнях, и шесть царапин на стене. Но тело помнило другое: он был голоден, словно не ел сутки, хотя совсем недавно жевал сухарь. Левая ладонь ныла от холода. Под курткой футболка была сухой.

Он достал блокнот.

На последней странице стояла запись: «19:11. Илья слышит стук за дверью рубки». Ниже — «Помещение №3. Кто наблюдатель?»

Следующей строки не было.

Значит, записи пережили переход.

— Маяк Сивер, вы на связи? — снова позвал Илья.

Артём спустился на кухню. Часы на стене показывали 02:13. За окном была ночь. На столе стояла чашка, целая и наполненная горячим чаем. Возле неё лежало зелёное яблоко, с которого ещё не сняли кожуру.

Там, где он оставил полотенце в прозрачном пакете, лежал пустой пакет.

Он подошёл к стене.

Шесть царапин остались.

От этого стало хуже, чем если бы они исчезли.

Если ночь вернулась к началу, а царапины остались, значит, остров что-то сохранял. И выбирал сам, что именно.

— Тёма, — сказал брат. — Если слышишь, ответь. У нас тут не самое удачное время для молчанки.

Артём сел за стол. Взял карандаш, открыл блокнот на чистой странице и написал: «Повторение. Начало 02:13. Память частично сохранена. Предметы — выборочно. Царапины — шесть».

Он посмотрел на микрофон.

На этот раз не стал задавать брату вопросов о коробке, корабле или годе. Ему требовалось сначала узнать, сколько Илья помнит.

— «Северная звезда», это Сивер. Слышу вас.

— Наконец-то! — выдохнул Илья. — Слушай, у нас приборы чудят. Можно координаты сверить?

— Можно. Только сначала один вопрос.

— Тёма?

— Да.

— Ты что, в море вышел?

— Нет. Я на маяке.

— С какого перепуга ты там оказался?

Артём медленно выпрямился.

В прошлый раз Илья не удивлялся, что он находится на Сивере. Во всяком случае, не так. Они обсуждали это как давно известный факт.

— Ты знаешь, где я работаю? — спросил Артём.

— Последний раз ты собирался на материк. Хотел в мастерскую устроиться. Или опять передумал?

Артём почувствовал, как к горлу поднимается тошнота.

— Какой сегодня год?

Илья ответил без паузы:

— Девятнадцатый. Ты чего?

Артём положил карандаш.

Значит, не только ночь повторилась. Повторился и брат — но иначе. Он не помнил разговоров, договорённостей, страха. Не знал о берегах разных лет. А может, никогда и не знал.

— Илья, послушай. Мне нужно, чтобы ты записал всё, что сейчас происходит. Возьми бумагу.

— Я на вахте, Тём.

— Пожалуйста.

Секунду было слышно только море.

— Ладно. Бумага есть. Говори.

Артём назвал время, попросил брата записать координаты, фамилии членов команды, показания компаса. Затем объяснил, что может пропасть связь, а события могут повториться. Он не произносил слова «петля». Не говорил о смерти и не утверждал, что знает будущее. Он говорил только о проверках.

Илья слушал с растущим недоверием.

— Ты опять за своё, — сказал он наконец.

— За какое?

— Решил всё за меня. Даже бумагу мне приказал взять. Мы же поругались из-за этого, помнишь?

Артём посмотрел на блокнот.

Сколько раз он уже слышал это? Сколько раз пытался спасти брата, не замечая, что снова обращается с ним как с ребёнком?

— Ты прав, — сказал он. — Прости. Я прошу, не приказываю.

Илья помолчал.

— Ладно, — сказал он тише. — Координаты запишу. А ты объясни, что случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.